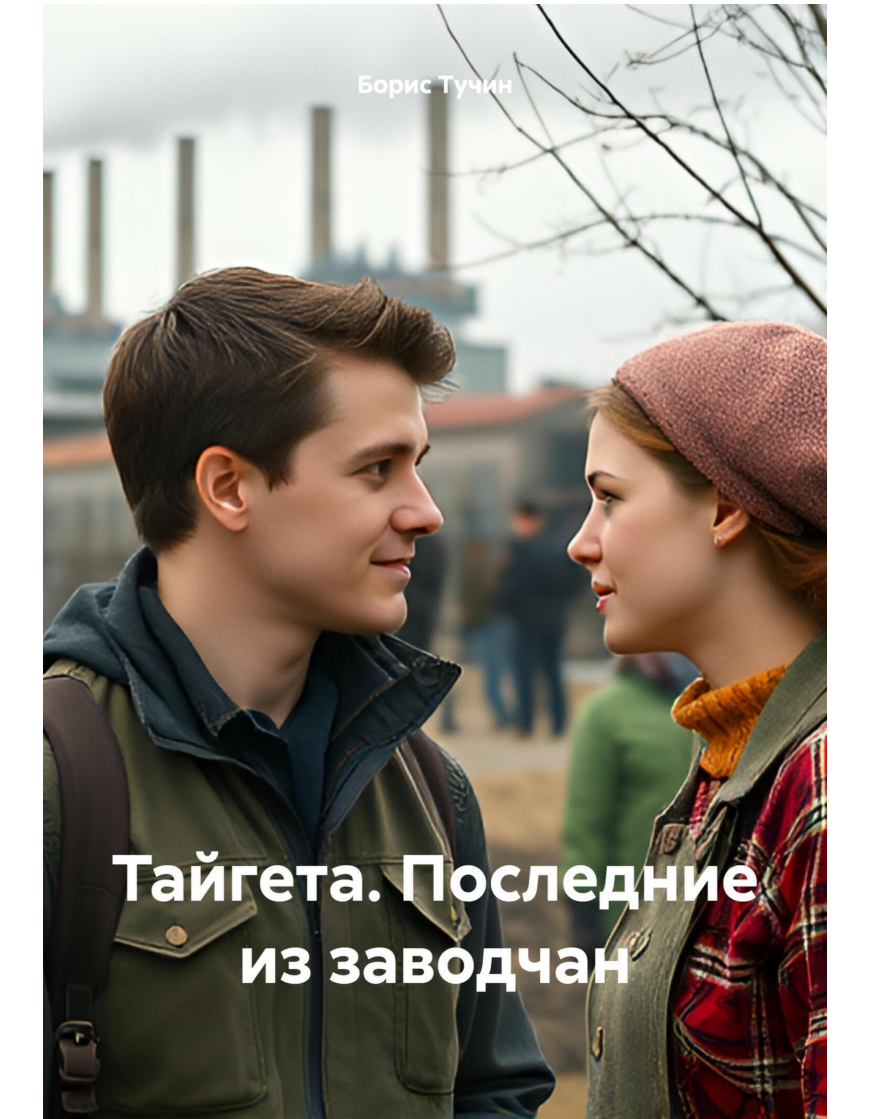

A young man and woman are shown in profile, looking at each other. The man is on the left, wearing a dark blue jacket over a green vest. The woman is on the right, wearing a red plaid shirt, a yellow turtleneck, and a red beret. They are standing in front of a factory with several tall chimneys in the background. The sky is overcast and grey. Bare tree branches are visible in the upper right corner.

Борис Тучин

Тайгета. Последние из заводчан

Борис Тучин

Тайгета. Последние из заводчан

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72274597

SelfPub; 2025

Аннотация

Действие романа разворачивается в середине 70-х годов 20-го века. Коллектив расположенного в одном из малых сибирских городов завода ценой неимоверных усилий добивается создания радиоаппаратуры мирового класса. На этом пути героев книги, энтузиастов, постигают не только удовлетворённость от достигнутого результата, но и горести, разочарования, разные житейские неудачи, за взлётами следуют падения. На глазах у многих совершаются преступления, рушатся длительные связи, наступают недуги и семейные катастрофы. Реальная действительность последних советских десятилетий приходит в противоречие с первоначальными установками. На примере жизни героев романа читатель может окунуться в атмосферу недавнего прошлого нашей страны.

Борис Тучин

Тайгета. Последние из заводчан

Предисловие

Действие романа разворачивается в середине 70-х годов 20-го века. Коллектив расположенного в одном из малых сибирских городов завода ценой невероятных усилий добивается создания радиоаппаратуры мирового класса. На этом пути героев книги, энтузиастов, постигают не только удовлетворённость от достигнутого результата, но и горести, разочарования, разные житейские неудачи, за взлётами следуют падения. На глазах у многих совершаются преступления, рвутся длительные связи, наступают недуги и семейные катастрофы. Реальная действительность последних советских десятилетий приходит в противоречие с первоначальными пафосными установками, терпят крах утопические попытки создания «нового человека».

Но люди труда и подвига с честью проходят через все испытания.

– Так-то оно так, но что будет с д`етьми? – со своим неподражаемым одесско-варшавским акцентом сказала автору прочитавшая рукопись конструкторесса Клара Кременчугская, друг семьи автора. И продолжала: – Вот видишь, ты

не знаешь!.. А я за моих близняшек в ответе... Так что меня исключи, не упоминай обо мне ни под именем собственным, ни под псевдонимом. Я не хочу быть среди последних. И не буду. Понятно? !. А сам думай: с д`етьми что будет, с д`етьми?..

Автор с пониманием отнёсся к просьбе добрейшей конструкторессы Клары. Упоминаний о ней в книге не будет.

Пролог. Цена зарплаты

Город Чеминдинск, Сибирь. 1974 -1976. Итоги «скверных» посиделок

1.

Встречались будто ненароком, хотя и вроде бы не имея определённого, заранее оговорённого времени, у газетного киоска, у магазинов, во дворе ли, на улице, одним словом, где случалось, но всегда не дальше своих кварталов.

Летом в центральном сквере, у клумбы, на неудобной, без спинки, скамейке всегда раньше всех усаживался кто-нибудь *из ихних*. Выходи, не ошибёшься, своего застанешь.

Зимой скамейки не чистятся от снега. Потому стояли. Ноги у всех стариковские, больные, всё равно разговаривали стоя, сколько могли выдержать.

Из кошёлок торчали толстые, в цветных наشلёпках, горловины молочных бутылок. Птицам выкрашивался куплен-

ный только что свежий хлеб. Высокомерные, драчливые голуби, рядом с воробьиной да синичкиной мелочью гиганты, не подпускали этих чужаков, и бабушка Рыжова говорила, что воробьёв и синичек жалчее, голодными остаются. Раньше хоть лошади были, а теперь машины – жрут не овёс, а бензин, вместо навоза дым, а для птиц что толку-то...

Откровенно говоря, Руфина Рыжова едва ли не чаще других здесь бывала – затем, чтобы уменьшить бестолковое хлопотанье голубей, когда они с шумом, давя и отталкивая самых старых и самых слабых собратьев, сбегаются на высыпанные ею из кулька крупяные зёрна. Иногда с налёту, ничего не разбирая вокруг, безоглядно кидаются прямо на Руфину-кормилицу. Она не сердится. Нашептывает:

– Натe вам, нате, дурашки... смотрите, не передавитесь, жалеите себя, и воробьишек тоже жалеите... Натe вот сушечку, она, хотя и жесткая, зато из белой муки, мелко истолченная, да вам не всё же землю долбить.

Ни с кем особенно Руфина не делится насчет голубиных с воробьями распрей. Мужики же всё равно насчет природы – без понятия. Станут они тебе голубей кормить, держи карман шире...

Однако въедливый Сибилёв кормит. И её всё равно раскалывает:

– А вот и Руфина Нифонтова явилась, не запылилась. Красавица наша писаная, в картине не снятая.

– Ты бы пыл свой поумерил, Сибилёв, – одёргивает Ру-

фина. — Рыжова я, а никакая тебе не Нифонтова. В кино не снималась...

— А почему?

— Да не зовут потому что...

— А птички вот зовут. Да. Крошки, поди, насобираала?

— Перловку, верно, принесла.

— А у меня вот хлеб остаётся, я его и крошу, — поддаётся на её незлобивый тон Сибилёв.

— Надо же наш век достойно доживать, Филимон Митрофанович, — с необидной назидательностью сообщает Руфина. — А из хлеба, например, сухарики делаю. В духовке, тогда они вкусные. Куриный бульон сварю, сухариков накрошу. Лапшу или картошку не кладу. Сухарики... Тонкими плитками хлеб нарезаю. Ржаной обязательно. Не белый... Достойно доживать надо, — заканчивает она, и уже даже и совсем без назидательности.

И Сибилёв насчет кормёжки птиц оставляет её в покое.

Крепенький Вошинин приводил коротконогую, длиненькую собаченцию и отпускал её с поводка, такса побегаёт, порыщет, да и возвращается к хозяину, потрётся о штанину, приляжет...

Толстяк Абаимов, поперёк себя шире, устанавливал на необъятном колене транзисторный приёмник. Антенна вытягивалась, точно древко с нанизанными, трепещущими на ветру флагами, сотканными из новостей, как из тканей.

– Старики особенно любят слушать новости, – степенно рассуждал Сибилёв. – Второй хлеб нам – информационный. Узнать, что в мире творится, и обсудить с друзьями – вот и время не напрасно проходит. С одной стороны – хроническое безделье, дни пустые, с другой – времени впереди остаётся с гулькин нос, а охота узнать, какой такой урожай из нашего посева выклюнется.

На что Рыжова, осаживая, вносила поправку: мол, у вас, мужиков, потому одна политика на уме, что вы не загружены по дому, в лучшем случае сходите в магазин за хлебом, ещё за чем-нибудь, а женщина – без вечной суеты часа не проживёт, вот и новостей не надо: сама, как новость, завелась с утра, так без остановки и весь божий день на ногах.

Сибилёв на воркотню Рыжовой не обижается, все к ней привыкли.

Не со зла же ворчит, а просто по факту.

Однако ничего из ничего не вырастает: у Сибилёва насчёт политических новостей имеются, помимо абстрактных мотивов, и той же Руфине Рыжовой известные причины личного свойства.

Сибилёв – он всех прощает, но правду-матку режет: морочимся, будто просто так сошлись, наобум Лазаря, а сами – только глаза сомкнём, уже о завтрашних посиделках мысль ворочается.

Женщины сетуют: никак не соберутся навестить гамузом

находящегося в доме-интернате Жабреева. Один там, без никого своих, два соседа в комнате, чужие, оба храпят... Сибилёв поправляет: ну, и что, храпят, он тугой на ухо, Жабреев, не слышит, сам, как храпака включит, весь дом-интернат дрожит и вздрагивает.

Женщины: да кто тебе сказал, да врёшь ты всё.

– Я знаю. В командировки ездили, в гостиницах останавливались, о многом переговаривали, ни друга друга, ни родной завод никогда не подводили... В гостинице в общем номере народ иной раз сердился, не могли спать из-за его храпа... А ты с ним не спала, – вольничает Сибилёв, – ты не знаешь.

Вощинин живёт со своей Федосьей сорок три года и теперь плечами пожимает насчёт Жабреева: вроде на ногах парень, а чего надумал – в интернат. В общежитие на склоне лет уйти, в комнате с храпунами коротать остатки жизни – нет, чтобы взять старушку, вон их сколько вдовствуют, одинокие, – сидел бы у себя дома, и в ус не дул... Абаймов ближе к Жабрееву стоит: тот и слышать никогда о старушке не хотел – чужой человек, да с её стороны наследники выявятся, заскандалят, наследники всегда выявляются.

А Рыжова знает, что и в доме-интернате семьи заводят, сама в телеке видела, им даже отдельную комнату выделяют.

– В телеке тебе чего только не покажут, – заявляет скептически настроенная Геля Костенкина, – уши развесишь, и готово, лапша прилетела и села.

А Сибилёв, недавно посетивший Жабреева, гнёт своё: те-

перь-то ему не о чем беспокоиться – здесь он жил в собственном доме, сам прибирался, топил печку, сам пищу варил, и стирал тоже сам – устал, и надоело! Домом-интернатом доволен – на всём готовом: кормят во-время, и готовят хорошо, есть можно, стараются, чтобы старики сытыми были, чистота, врач пожилой, такой же инвалид, осматривает добро-совестно, не для близиру, о воде и дровах с углём голова не болит, о саде с огородом так же не нужно заботиться, и через день кино, и всегда телевизор, хоть засмотришь, и библиотека, газеты свежие, радио в каждую палату проведено – чем не жизнь!

С дом-интернатскими соседями в палате у сдержанного Жабреева ровные, обстоятельные отношения. Ещё в прошлом году он приезжал в Чеминдинск проведать своих, заводских, а после того ослаб, ограничивается лишь прогулками в дом-интернатской ограде, и то не во всякий день способен выбраться. Семьдесят девять, и фронт за плечами, и первые сложные годы, как вытаскивали завод, неделями из цехов не выходили, белого света не видели – ничто даром не проходит.

Жабреева навещали, но порознь и крайне редко, главная проблема – собраться, сговориться, кто-то захворает, другие ждут, потом у следующего недуг, вроде бы дремлющий, вдруг обострится. Надо бы выбраться, да сил нет.

Известно, что ездил в дом-интернат и Барановский Сергей Савватеевич, бывший (до Полувеева) заместитель директора по общим вопросам. На пенсию ушёл после семидесяти, а до того выглядел молодоступным, действовал строго по регламенту, лишних шагов избегал, так что к нему старались без крайней нужды не соваться. И не улыбочивый... Не нашенской, словом, породы человек был. Сухарь.

Как Харьковский завод из эвакуации стал выезжать, Барановский задержался, гадали: чего так. Позднее просочилось: неспроста он у нас тут осел, знал и лучшие времена. Осведомлённый во многом Филимон Сибилёв на ушко Рыжовой нашептал: дескать, он генерал, знаешь, такие звания были в войну для высшего руководства – инженер-генерал, инженер-полковник, – находился под следствием, как-то уцелел, отделался ссылкой, оттого и осторожный, что хвост прищемили...

Барановский навестил Жабреева в доме-интернате, по слухам, с подарочком в виде японского карманного магнитофона.

Сергей Савватеевич на *скверных* сходбищах не появляется, и претензий по этому поводу к Барановскому нет. Не потому что *не наш*, а потому что до сих пор живёт на отшибе, далеко, в трёхэтажном доме, в квартале при Старой площадке, а поселился там в самом начале, когда строили сперва бараки, потом руками пленных немцев квартал двухэтажек по

трофейным проектам, для высших же начальников эту трёх-этажную хоромину и спроектировали, и отгрохали, вывели, и обозвали метко: одновременно и *небоскрёб*, и *дворянское гнездо*.

Теперешний директор Мережников высоко ценит Барановского, многому у него научился. А для того, чтобы оставить в замах, придумал знатному пенсионеру особую должность – что-то насчёт устройства ветеранов. И как не ценить: сама идея создать на оставленных харьковчанами площадях радиозавод, а не, скажем, мастерскую артели по изготовлению огородного инвентаря – лопат и граблей (такое тоже заявлялось) – принадлежала Барановскому.

Да и первоначальная разработка, одобренная министерством, – его.

И некоторые другие идеи Сергея Савватеевича Мережников называл конструктивными. А эта похвала не малого стоит.

Информацию про созданную под бывшего зама должность старики восприняли довольно снисходительно, хотя и с оговоркой: *по делам ветеранов*, это хорошо, однако завод нас и так не бросает в тяжёлых обстоятельствах, когда надо помочь, есть к кому обратиться: к Полувееву Степану Лукичу, или в партком, профком, либо просто по прежним связям в цехах и отделах.

Немного идеализировали, что вполне допустимо, но имелись основания и для самоутверждения: я попросил (попро-

сила), ко мне отнеслись по-доброму, стало быть, заслужил (заслужила). У завода...

Мережникова в целом одобряют: правильный директор, строгий, спуску никому не даёт, сам вкалывает до упаду, и люди у него крутятся, как заведённые.

На износ...

...а между прочим у того же самого Мережникова, как бы походя, накапливались нужные сведения. Из нескольких источников. Шутил: как у Ленина в работе «Три источника, три составные части марксизма». Редактор городской газеты показал ему раритетную книгу в красной обложке, из серии «История фабрик и заводов», выходившей когда-то под руководством ещё Максима Горького – о традициях Трёхгорной мануфактуры в Москве.

Барановский подобрал список заводов, и ныне уже сочиняющих про себя то же самое. Сказал: надо не отставать. На что Мережников, без раздумий, бросил излюбленное:

– Сделаем.

Однажды по недоступным для большинства ненаучного человека каналам поступили воспоминания Генри Форда о том, как этот знаменитый американец на пустом месте создавал свою империю автомобилей. Мережников самиздатскую книгу проштудировал на десять рядов, собрал по ней совещание узкого состава под девизом: мало ли, что он капиталист, Генри Форд, а такое дело раскрутил, что и ком-

мунисту не каждому по плечу, начинал же, как и мы, – в сараях.

С того закрытого совещания, конечно, была утечка, не кто иной, как Филимон Сибилёв заимел отрывок из стенограммы, перепечатку, пятый экземпляр, слепой, но разобрать удастся, Сибилёв разбирал и докладывал в сквере, и в широких пенсионерских кругах не могли пройти мимо записанных кем-то из участников цитат.

...а почему Сибилёв так увлёкся политикой, дышать без неё не может? Да проще простого. У него любимый племянник вместе с женой второй год в Африке, работают врачами по контракту. В какой стране? Название трудно запоминается, одно хорошо – столица и страна идут под одинаковым именем.

Или под не совсем одним и тем же, но всё равно схожим – запомнить тоже у пенсионера не всегда получится.

Ну, вот: своя кровь так далеко утекает – аж в Африку. А там не спокойно: освобождаются от колониальной зависимости, и всё воюют, воюют, власть никак поделить не могут. От тамошних пертурбаций судьба приезжих белых людей напрямую зависит.

Нам тут издалека представляется: африканцы все приличные, правители вроде бы интеллигентные, при галстуках и в европейских костюмах, дело в том, что им, видимо, не жарко, они, темнокожие, привычны к своему климату, как мы к

нашему, где живём...

— Одним словом, — разъясняет Сибилёв, — телевизор их с лучшей стороны кажет, некоторые даже и с марксистской ориентацией, только я не спешу доверять всем и каждому. Взять на поверку, так дикости хватает, человек исчезнет, и следа не отыщешь, да и кто бы искал в пустыне, среди песков...

Вот Сибилёв Филимон Митрофанович и заботится.

...иные подробности у нас в последних известиях не рассказывали, а, выйдя ночью на потаенное, Филимон Митрофанович кое-что, очень немного, но разбирал. Со временем одно усвоенное за другое цепляется, выстраивается в сплошные линии, так что ждёшь продолжения, кругозор-то и расширяется...

Наша аппаратура — она же отличная. У других, возможно, хуже слышно. А наша, *чеэрзовская** позволяет.

—

* Относящаяся к Чеминдинскому радиозаводу (ЧРЗ).

Не все волны у нас на изделия являются открытыми, за просто так на волю не выводятся, но наши кулибины разбираются во всём, и в неоткрытых волнах тоже. Однако об этом молчок, язык за зубами...

Вообще о потаённых ночных занятиях Филимона Митро-

фановича вслух не говорится. Штора у него плотная, на ночь всегда задёрнута, стены в кирпичном доме для негромких звуков почти не прозрачные.

Иные знатоки бы удивились, откуда у, казалось бы, совсем не блатного пенсионера мог появиться экземпляр приемника из партии, строго ограниченной по тиражу, предназначенной кроме прочего и для того, чтобы рыскать в том диапазоне, что позволяет слушать запретное.

На массового потребителя такая привилегия, естественно, не распространяется.

3.

-... И потом, – комментировал Мережников поучительное сочинение автомобильного короля из Соединенных Штатов, – хорошо, у него бизнес из ума не выходит, у нас же функционирует расширенное социалистическое производство. Есть разница? Да, безусловно. Однако и там, и здесь главное – произвести продукт наилучшего качества, разработать конкурентоспособную новинку, изготовить ее, внедрить в производство и так далее, по списку. Правильно? Опять-таки – да, безусловно!

Генри Форд считает бизнес творческим процессом, противоположным по назначению машине или механизму. Выглядит это следующим образом: где-то возникает сообщество людей, объединенных одной идеей, они собираются

вместе, чтобы совместно вести дело. Каждый знает свою часть работы, и потому им недосуг загружать друг друга излишними бумажками. У них просто нет времени на пересылку друг другу информации по переписке. Надо, чтобы люди добросовестно выполняли то, что им поручено, и тратили здесь всё свое время без остатка.

У Форда принцип: один отдел не должен вникать в проблемы соседа, и знать о том, что делается за стенкой, тоже не к чему. И в чем-то он прав.

Не станем далеко ходить: у нас на заводе тоже бюрократизма хватает. Но при подобном подходе – как же велика должна быть роль координаторов производства!.. Многие возражат: у нас такое непредставимо. Где грань?

А если хорошо подумать?

Отлично. Думаем, и идем дальше.

Следующий вопрос, не менее существенный по важности, – о дисциплине. Будем откровенны, вопрос стоит прямо: как нам изжить пьянку, в том числе на рабочем месте? А надо уяснить одну простую истину. Форд констатирует, что человек приходит на работу не для того, чтобы веселиться. Для этого есть время после работы. Он должен качественно выполнить свои обязанности, иметь приличный заработок, а свободное время проводить, как ему заблагорассудится. Веселитесь, пожалуйста, но не на работе. Просто? Да, но опять же: как добиться постоянной предельной загрузки – в

течение всего месячного производственного цикла. Изжить штурмовщину, что называется. Удастся?

Начальник десятого цеха Карташов: – Риторический вопрос! Комплектующие получаем из десятков адресов. Рас-согласование неизбежно. Срывы поставок – реальность, и никуда от неё не денешься. И, если люди в начале месяца балду пинают, а ближе к концу периода завод выезжает на сверхурочных, то и не удивительно, что бутылки из цеха вы-носят, когда охалками, а когда мешками,.

Начальник стройцеха Ворожейкин: – У Форда за-мкнутый цикл, а у нас – пляски вокруг плана.

Мережников: – Не стану комментировать. Когда-то и мы избавимся от штурмовщины.

Но с пьянством будем продолжать бороться по-настояще-му. По-нашему, по-русски: сделал дело, гуляй смело. Нашим товарищам, не буду перечислять поименно, сами знают, – не в бровь, а в глаз. Начальник должен подавать трезвый при-мер, а некоторые позволяют себе кирнуть на рабочем месте, мы же с вами все на виду, и забывать об этом негоже. Такое поведение недопустимо...

Начальник стройцеха Ворожейкин: – Пьянству – бой!

Мережников: – Не надо юродствовать. Замеченных с за-пашком в рабочее время на территории завода вразумлять буду рублём, не взирая на лица. Никакие обиды не прини-маются.

– И наконец последняя истина состоит из двух частей.

С первой частью мы с вами в существующих исторических условиях не можем согласиться. Генри Форд искренне считает, что отсутствие твердой субординации избавляет и от искусственных проволочек, и от превышения служебных полномочий начальниками разного уровня. На мой взгляд, это теоретически возможно, но всё равно, лишь при условии, если все нити держит в руках один человек, скажем, сам владелец или хозяин предприятия, имея для этого грамотно структурированную группу управленцев, позволяющую постоянно держать под наблюдением любое проявление деятельности трудового коллектива.

Знаете, я всё же не Генри Форд, а обычный директор советского завода, то есть работник на должности, и поэтому от грамотно выстроенной субординации никогда не уходил и уходить не собираюсь. Я – за делегирование полномочий от вышестоящего к стоящему ниже и одновременно за эффективный контроль во всей системе. Но, повторяю, и бюрократизм, когда за бумажкой не видно человека живого, расцениваю, как немалое зло. Однако преодолимое.

Голоса из зала: – Не при нашей жизни!

– Внуки, быть может, и доживут.

– Вернитесь к бумажной волоките!

Мережников: – Насчет бюрократизма. Эмоционально целиком согласен с Маяковским: *Я волком бы выгрыз бюрократизм...* Но по делу...

Начальник стройцеха Ворожейкин (нелишне заме-

тить: родственник Филимона Сибилёва): – Маяковского давно нет, а бюрократизм каким был, таким и остаётся. Если не подрос за эти годы.

Мережников: – Партия призывает нас изживать бюрократизм, как явление. Мы все здесь – подавляющее большинство – коммунисты. Полагаю, дальше говорить нет необходимости. Люди взрослые. Понимаете, что к чему...

Но тут, братцы мои, имеется и другая сторона. О ней тоже в числе прочего напоминает наш американец. Щепетильная вещь: оказывается, у него любой рабочий может через голову мастера обратиться непосредственно к директору и получить адекватный ответ.

Причем, если ситуация разрешается не в пользу мастера, тот и не подумает обижаться. Ибо знает, что при несправедливости, допущенной к подчиненному, может начинать подумывать о приискании другой работы. А собака-то знаете, где зарыта? Она – в соразмерности. Рабочему при такой постановке дела вовсе не к чему затевать тяжбы с начальством. У нас же рабочий редко обращается просто потому, что до бюрократа не добраться, не достучаться...

Начальник десятого цеха Карташов: - Как пешком до Китая...

Главный инженер Чистов: - Верно. Иной раз до нас добраться, как до Луны пешком...

(Тут, пояснял Сибилёв – со слов Ворожейкина, должно быть, – немного посмеялись. Разрядка на любом совещании

полезна – самокритика, вроде того, что...)

А дальше, как передавали, Мережников сказал одну почти крамольную вещь.

– Я обеими руками за это, здесь любой коммунист подпишется. Но вот насчёт среднего комсостава моего согласия нет. У Форда, возможно, за воротами стоят толпы людей, готовых согласиться на любые условия. А у нас при социализме безработица отсутствует, мы за персонал боремся, хорошие мастера составляют наш золотой фонд, разбрасываться кадрами нам, коммунистам, не свойственно. Увольнять буду, но только за серьёзные провинности...

На том и порешили. А вывод Мережников сделал совершенно в духе принципов первого в мире государства рабочих и крестьян: у нас героическая история, и эта история учит, история вдохновляет, люди активнее работают, если, кроме материальных, получают и моральные стимулы.

Участники узкого совещания в последующем немало обсуждали демонстративную приверженность директора к образцам мирового опыта. И приходили к выводу, что Мережников привёл Генри Форда себе в союзники, дабы подтвердить свои собственные позиции. Очевидно, нынче более не считается зазорным изучать зарубежную литературу по проблемам организации и управления промышленными предприятиями.

Не исключено, что нам, производственникам, директором

будут ещё представляться подобные сочинения.

К чужому опыту нужно прислушиваться, кто бы спорил. Ленин призывал: учиться, учиться и учиться надлежащим образом. Однако мы все практики. Это – главное. У директора время для чтения книг находится. У нас – нет.

Некоторых особенно задело антибюрократическое рассуждение шефа. На лестничной клетке в заводууправлении, возле урны с грузом окурков, дымили, спорили.

– У Форда оно, конечно, демократию разводить – милое дело: дескать, любой работяга через голову мастера может обратиться к начальнику цеха и к любому другому руководителю, вплоть до самого директора, и никто не обидится. А мы-то знаем: один сутяга заведётся, так целый завод на уши поставит, никто не обрадуется, затаскают же, и работать некогда... А коли появятся два сутяги? Да объединятся и возьмут за горло? Ну, тогда хоть святых выноси!..

Нет, мы уж лучше по старинке – дедка за репку, бабка за дедку, и так далее, до той мышки, которая и вытащила пресловутую репку.

Но кто-то и подсадовал:

– Я начальник – ты дурак. Ты начальник – я дурак. Безнадёга, одним словом...

У каждого свой пример борьбы с сутягами, иные воспоминания совсем свежие, не остывшие. Но, чтобы поделиться с товарищами опытом обуздания баламутов – *правокачей* и

правдоискателей, – времени уже не оставалось.

Торопливо досасывали бычки, сбрасывали в урну, и – дальше, по местам, работа не Алитет, в горы не уйдёт.

4.

Однажды хозяин области товарищ Черносвет в сопровождении обкомовского секретаря по идеологии товарища Верхоленского и с завами соответствующих отделов областного комитета партии пожелал проконтролировать готовность обкомовских дач к приёму дружественной партийно-правительственной делегации из прогрессивной страны третьего мира, выбравшей социалистический путь развития.

По существующему ритуалу, рекогносцировка завершалась товарищеским ужином. В столовой обкома – накрахмаленные скатерти, накрахмаленные же белоснежные салфетки, втиснутые пачками в специальные подставки, дорогой фарфоровый сервиз (на стенках предметов красивые пейзажи с танцующими пейзажами и пейзажками в малиновых панталончиках), хрустальные бокалы и рюмки, ледяная финская водка и тёплый армянский коньячок о пяти звездушеньках, дефицитные закуски, включая бутерброды с икрой двух красок, красной и черной, прочая отборнейшая снедь, а также неслышно скользящие по паркету, красивые и нарядные, сноровистые барышни – официантки, ради репетиции званого ужина умыкнутые из ресторана Центральный.

В числе немногочисленных избранных членов партхозактива был приглашён и потому находился здесь директор ЧРЗ товарищ Мережников, заслуга которого заключалась в том, что под его руководством предприятие разработало новый, усовершенствованный *музыкальный центр*, и как раз в эти дни доводило до ума выпуск изделия в массовое производство.

Лучшего подарка нашим товарищам из-за рубежа область не могла предоставить, а у нас ведь не принято отпускать гостей с пустыми руками, хуже того, отдавать выпавшую на долю нашей областной партийной организации почётную возможность в ведение территориальных соседей, – чего, чего, а уж подобной роскоши товарищ Черносвит никоим образом не мог позволить ни себе, ни подведомственному ему партхозактиву.

Во время трапезы Первый спросил:

– Тебе, Мережников, сколько времени нужно для окончательной доводки изделий подарочного образца?

– По плану – выпуск в следующем квартале...

– План – это прекрасно. Срывать правительственные задания не следует. Но нас никто не отодвигает и от перевыполнения... Сейчас только начинается нынешний квартал. Три месяца запрашиваешь? Не дадим.... Гости будут через две недели. Так что десяти дней тебе за глаза хватит. Что-нибудь потребуешь для улучшения самочувствия?

Мережников счёл недальновидным портить настроение

Хозяину выдвижением возражений по ситуации на производстве.

– Пришлите толкового редактора городской газеты, – нашёл Мережников. – А то у меня в «Новой жизни» за год меняется четвёртый, газета и без того хилая...

– Молодец. За что тебя уважаем, Мережников, так это за то, что на первом месте у тебя моральный климат не только на предприятии, но и в городе.

И Хозяин приказал секретарю по идеологии Верхотенскому подыскать и согласовать с Мережниковым толкового редактора городской газеты.

Среди провозглашённых здравниц два тоста Хозяин посвятил:

а) успеху Чемаиндинского радиозавода в производстве новых изделий, выходящих уже на международный уровень, и

б) капитанам нашей промышленности, красным директорам, болеющим за моральный климат.

Внимание Первого, к тому же члена ЦК партии, – знаменательно.

Значит, завод наш у власти не на последнем счету...

Дома, на заводе Мережников поделился впечатлением с Барановским: хрусталь, сервиз с пейзажами в панталончиках, изысканные закуски, икра двух видов, финская водка, армянский коньяк и, как бы в придачу, смазливый молодой человек в парадном ресторанном антураже.

– Как думаете, Сергей Савватеевич, долго ли мы сумеем удержаться от подобных эксцессов?

– Чем раньше начнёшь, Андрюша, тем быстрее втянешься. Банкеты – неизбежность наших дней. Того же Хозяина с челядью будешь принимать, угощать необходимо по близкой к этому схеме. Иное обращение *они* теперь плохо понимают. На всё – свои ГОСТы*.

*ГОСТ – государственный стандарт. В данном случае – шутливый намёк на утвердившийся обычай.

В идеологическом отделе обкома партии успешному директору градообразующего предприятия, разумеется, пошли навстречу, тем же мигом привезли и представили редактора из областной молодёжки, которого обрадовали внезапным переводом – на вырост – в чеминдинскую «Новую жизнь», орган как-никак горкома партии.

Сделавшись таким образом своего рода мандатарием областного комитета партии, окрылённый Редактор – газетчик, надо сказать, честолюбивый, к тому же небесталанный и уже поднаторевший в профессии, – начал выпускать действительно интересную газету, прямо-таки по московским образцам, а кроме того сразу же стал вхож к директору завода в любое время суток, и съездил с ним на охоту, и они с женами-семьями вместе проводили отпуск.

Такого приятеля, как Мережников, – где бы Редактор ещё

приобрёл? Потому теперь он ради прославления завода в лепёшку расшибается, и у себя в газете, и через друзей-собко-ров в центральной прессе.

Информационный повод, чтобы получить одобрение обкома партии и санкцию на издание книги, – первый отмечаемый юбилей, 30 лет заводу. На верху Мережникова опять одобрили: инициатива добрая, молодец, не дожидался, когда бы мы подтолкнули...

5.

... и как, вы полагаете, поступил Мережников?

Правильно, нашёл исполнительницу.

Решил вопрос.

И всё завертелось.

Журналистка – громко сказано. Но, раз произнесено Мережниковым, – так и воспринимайте, товарищи дорогие!.. Вот как у нас растут люди: директор, приняв решение, мигом пригласил к себе девчонку из самодеятельного театра, ученицу в сборочном цехе, воодушевил, убедил, что она потянет, если не станет лениться, определил на рабочую ставку в штат десятого цеха, а для приобретения опыта послал на стажировку к своему приятелю, редактору местной газеты, с которым он уговорился, во-первых, чтобы стажёрку никакими другими заданиями не отвлекали, во-вторых, пусть бы подготовленные ею отрывки из книги по мере изготовления

сразу начинали печататься материалами с продолжением – в городской газете.

У него на всё темп, у Мережникова. Сказано – сделано. И, главное, приступлено без промедления.

Концентрируется материал у Барановского, а та журналистка повадилась ходить к ветеранам завода с просьбами от Сергея Савватеевича, чтобы составляли воспоминательные записки, а в редакции их отредактируют, потом включают в издание отдельной книги.

Потому что *надо оказать честь родному заводу, быть может, для кого-то (в силу возраста и присущих старости болезней) – последнюю.*

Барановский знает, что говорит, родился еще в восемьсот девяностом, вот-вот та, чёрная, с косой которая, заявится по душу славную...

Рыжова утомилась уже на третьей странице, внучкину шариковую ручку с тетрадкой отложила, куда засунула, не помнит, а по-новой никак не нацелится. Остальные, не приступая, отговаривались отсутствием литературных способностей. Тогда бойкая журналистка начала их активно обзывать, предлагая свои услуги, чтобы диктовали, а она обрабатывала. Наверное, на таких условиях дело пойдёт.

Кто-то и обижался: Барановский не сам с нами якшается, а через посредников – посылает девочку-журналистку, но что она, ребёнок, понимает в нашей истории...

Хотя все одинаково кормимся от собеса.

И Барановский тоже...

Ладно, наше с нами останется – жили, и жили.

6.

... а умер Жабреев под самые крещенские морозы, и несколько дней, пока слегка не потеплело, мертвое тело покоилось в леднике больничного морга. Дирекция дома-интерната попросила завод посодействовать в устройстве похорон. Мережникову на селекторном совещании принесли записку, он объявил, что вот, скончался Никифор Серафимович Жабреев, и моментально экспромтом нашёл прочувствованные слова: вот, ветераны уходят, большое им спасибо, если бы не они, так и нас бы здесь не было... И тут же во всеуслышанье дал команду хозчасти выделить для рытья могилы крепких ребят, с оплатой рабочего дня по тарифной сетке и двойными сверхурочными, а также немедленно изготовить и поставить оградку и памятник – руками завода и за его счёт, естественно. Сергею Савватеевичу озаботиться о некрологах в нашей многотиражке и городской газете.

– А мы продолжаем. Как с комплектующими на последнее изделие? Десятый цех, вам слово...

Четверо мужиков, отогревая землю на выделенном месте, наливали и жгли мазут, долбили размерзающийся грунт ло-

мами, прикладывались для согрева к *столичной*, купленной на выделенные профкомом деньги, но не пьянели из-за того, что холод... Поминки тоже были организованы профсоюзом – в заводской столовой. Барановскому пришлось говорить речь, потому что директор с главным инженером Чистовым не присутствовали, они сразу после совещания ночью улетели в командировку в Москву, зато из начальников цехов и участков многие были на кладбище и затем в столовой...

Рыжова, язвочка ещё та, называла их сходки *скверными утренниками*, либо *вечёрками* на *скверных* скамейках, а самих стариков, соответственно, – *скверными*. От слова «сквер».

В любом из наших городов, посиживая на таких вот скамейках, пенсионеры многое переделывают в минувшем: перестраивают, совершенствуют, шлифуют. «Сделали бы, как я предупреждал...» и прочее. Рыжова смиряет: «Будет вам хвалиться-то, посмотрите на себя – старые, слабые, у того диабет, у этого склероз с гипертонией, с таблеток не слезаем, у меня из-за варикозов ноги едва двигаются». Нет уж, ребята, прошла драка, сейчас кулаками станете махать, руки отобьёте – и весь результат...

Инструкции, уставы – всё нынешнее, рассчитанное на теперешнюю жизнь и теперешних людей... Соглашались: нашего брата всё меньше, с кем переделывать?..

На сороковины после смерти Жабреева Сибилёв сказал, что, мол, Коля с Жабреевым, кажется, так и не доспорил, Рыжова недобро глянула на Веденеева Колю и довершила:

– С тобой, Сибилёв, доспорит. И чего делили? То ли яблоки?

– Почему яблоки, Руфина?

– Мы с внучкой, когда решаем из задачника, то раскладываем яблоки или семечки от подсолнуха. Ребёнку понятнее, если с ним не абстрактно...

Сибилёв удивился: я о зарплате, а ты о яблоках...

– А зарплату нам с Иришкой делить ещё не время.

Веденеев засопел – первый признак, что начинает сердиться. И верно:

– Ты бестолковщину оставь, Руфина! Если про ту, талочкину, зарплату, то я от своего мнения не отступал ни тогда, ни тем более нынче, через тридцать лет.

– Да ты чо, Николай Фёдорович, окстись, родненькой, – отступила Рыжова. – Не хочу обидеть...

– Деньги народу надо было платить, – не унимался Веденеев, – и в тот день, а не после. Все ждали... И попробуй, не выплати, все голодали, война же окончилась, но еще у всех была в крови...

Сидели без молодых, и шло на откровенность.

– Тогда, Коля, деньги были – деньги.

– Карточки...

– Карточки – временное... И на них без денег тоже не ото-

варишься... К ним так и относились: за денежку напашешься до кровавых мозолей. А у нас ныне-то – приёмники тащат, краденными стереоголовками все рынки завалены.

Сибилёв не согласился: воров *обэхээс** ловит, и вообще – верить людям*

*Обэхээс (сокращенно, в речи, на письме – аббревиатура ОБХСС) – Отдел борьбы с хищениями социалистической собственности.

надо, не все же воруют, а, кого поймают, то по головке не гладят.

Она одёрнула: чепуху молотит.

– Воровство – оно то стихает, то снова волной катится, вечный процесс... А у тебя голова сроду под крылом, как в песне: ничего не вижу, ничего не знаю...

Обиделся:

– И я не с луны свалился, на земле живу, на советской. Понимаю про общее богатство: примазывается всякая нечисть...

– Начальство – тоже кто как устраивается. Я Полувееву, замдиректора по общим вопросам, в глаза высказывала: машины гоняешь налево, по своим надобностям, сам пьяный на казённых лимузинах раскатываешь, а молодых порядку, вроде бы порядку! – учить не забываешь – совесть где?..

– А он чо?

– Вас, мужиков, разве прошибешь? «Да ты чо, Александровна, да кто тебе сказал, да никогда в жизни...» Глазищи выкатит, винцом отрыгивает, на роже блины не испечёшь, сгорят...

Сибилёв, никогда не пивший, пробует войти в положение.

– В снабжении без бутылки нельзя. Везде – подмазать. Так люди и спиваются...

– Раньше так не было. Сергей Савватеевич сам не выпивал и других осаживал.

– Много ты знаешь... У Савватеевича чистый спирт всегда не выводился. У меня сноха в медсанчасти работала – через медсанчасть столько спирта выписывали, что счёт не просыхал. Но, конечно, дисциплина была не в пример нынешней.

– То-то и оно, что дисциплина...

– И то. Сравнила!.. Там – культура какая!.. И время иное. Сейчас по телевизору все выпивают. Тогда телевизора не было.

– Кино было. Артисты прикладывались...

– Не в этом дело. А в том дело, что начальники эту жизнь поняли. Кремней, как Сергей Савватеевич или Жабреев, царство ему небесное, ох, как не любят. Кремни своё отробили, как смогли, Руфина. Павку Корчагина нынче днём с огнём не найти.

Веденеев не слушал. Молчал. Думал.

... Проснулся от ледяного продрога, в мозгловатой темени. Приподнялся на локте, ждал, пока глаза привыкнут, но мгла была густая и долгая.

Он истратил спичку, чтобы осветить циферблат часов.

Была половина четвёртого.

Вся землянка-гостиница шумно дышала, храпела, ворочалась и вскрикивала во сне. Бязевые занавески лишь условно разделяли пространство.

Жабреев спросил:

– Где будете жить? Могу определить на квартиру к кому-нибудь из деревенских, а то – в гостиницу, здание земляного типа, зато из заводского фонда.

Талочка купилась:

– Из заводского! Только в гостиницу!

– Устраивайтесь.

Жабреев директорствовал второй месяц, и сам спал в конторе на составленных стульях. На приказе об организации завода радиоаппаратуры ещё, что называется, не высохли чернила. В качестве цехов предприятие получило десяток каменных бараков – склады бывшего элеватора. В первые годы войны здесь делали танки; оборудование крепилось на земляном полу, оттого земля покрылась колдобинами, ходить по ней без света было опасно. Как только отошли эшелоны с эвакуированным заводом, появился Жабреев. Коллектив составлялся с бору по сосёнке – из нескольких ра-

бочих, оставшихся от предприятия-предшественника: они успели обзавестись семьями и приживались в Сибири. На-нимались и местные.

Жабреев написал кое-кому из друзей-фронтовиков, что назначен директором, и без проволочки в Чемаиндинск пришли телеграммы одинакового содержания: «*Присылай вы-зов*».

Жилья было: деревянный барачный городок в лесу, у заводской ограды, пять двухэтажек в линию вдоль новой улицы, достраиваемая двухподъездная трёхэтажка – *небоскрёб* – для дирекции и отборных ИТР*, да здание *земляного типа* – гостиница,

* ИТР – инженерно-технические работники.

Жабреев определил: ничего себе блиндажик. Знал, о чём говорил.

А вот о том, как делается радио, Жабреев не имел ни малейшего понятия. В главке обещали прислать специалистов, но медлили. Потом-то прислали сильных профессионалов из молодых преподавателей, немного оголили Семипалатинский техникум, но для дела в те трудные годы и не такое практиковалось...

А в первые дни нашлись трое подростков из чемаиндинских. Вычитывали руководства в старых номерах журнала *ХВЗ* («Хочу всё знать»), где помещались статьи со схемами

об устройстве детекторных приёмников, и почти из ничего, из воздуха и отходов прежнего производства несколько штук слепили.

Подарком с неба свалился инженер с довоенным опытом Сунгорский, высланный в Чеминдинку по какой-то причине (если и была причина).

Несемейный, бездетный, бездомный, с прежним заводом в реэвакуацию не выехавший, Сунгорский нигде не мог (или не хотел, что тоже вероятно) устроиться, опустил, питался подаянием. Зимой явился в милицию: берите меня обратно, хоть буду при месте. Милицейские смеялись: туда, куда просишься, лимиты на этот месяц исчерпаны, жди следующего...

В это-то время и заприметил его Жабреев, оказавшийся в райотделе с просьбой дать милиционера для охраны ценностей. «Хотите на завод?» Сунгорский и захотел... Он сразу же получил три талона: на баню, в столовую, на койку в гостинице. И в приказе обозначился: и. о. главного конструктора.

До реальной продукции предстояло шагать и шагать. Осваивались: заполняли пустоту станками и механизмами, добывали транспорт, налаживали питание и снабжение, обучали рабочих и ИТР. Жабреев зарегистрировал завод, где надо, написал, по установленному образцу, документ, поименованный уставом. В цехах и конторе работали, не снимая телогреек. Следовало позаботиться о зарплате и продукто-

вых карточках; на отпущенные кредиты – забирать радиодетали и прочие нужные для завода вещи.

Принимая Веденеева, Жабреев сказал:

– У тебя в трудовой книжке написано: счетовод. Будешь главбухом.

По совпадению, тут же и получили телеграмму из Второго Главка: *для начала хозяйственной деятельности на ваш расчётный счёт в областное отделение Государственного банка переведены пятьсот тысяч рублей.*

Веденеев остался на ночь в конторе, прилёг на столе. Главбух бессонному директору мог понадобиться в любую минуту.

– Коля, время подгоняет, – сказал Жабреев сгоряча. – Завтра едем в банк.

– Прямо завтра?

– Праздник на носу. Можно и после Октябрьской, но, если выдать людям зарплату перед праздником, то положим заводу добрый зачин.

Жабреев однако закопался в бумагах. Сидел при семи-линейке, подливал и жёг керосин напропалую. Света от заводского движка производству хватало только на утро и часть вечера. Старичок-истопник подкармливал свой локомотильчик дощечками и другим деревянным хламом, что успевал на территории насобирать за день.

Жабреев поднял голову.

– Ты что, Коля? Не спишь.

– Как – что? Мы же в банк собирались. Не до сна мне.

– Я передумал. Отложим всё-таки. С оборудованием надо разобраться.

– Тогда с зарплатой к Седьмому не успеем.

– Теперь ты, Коля, торопишься? А надо? – Голос у директора сиплый, сорван от крика на морозе и курева. Левая рукавина, пустая, всунута в карман. Из-под ватника над воротом гимнастёрки торчит краешек несвежего бинта: гноится перебитая ключица, Талочка перевязала чистой холстинкой – оторвала от простыни, проутюжила. Медицина на заводе отсутствовала, никакой аптечки, поедем за деньгами, оказией посетим больницу и госпиталь, там и там выпросим хотя бы малость бинта, ваты и марли, тоже и йода с зелёнкой.

Жабреев до глаз зарос поседелой бородищей, бриться некогда, скалился зверовато, морщился от боли и самокруток с ядовитой махрой.

– Я подумал, рано, милок. До завтра, а?

– Опоздаем, Никифор. День туда, день сюда, да и там одним часом не обойдёшься...

– Успеем, за сутки обернёмся... Напрасно я тебя раскочегарил.

– Людям деньги нужны в срок, – настаивал теперь уже главбух.

– А в нашем положении деньги – бумага. Магазинов у нас нет. Кому деньги, зачем деньги? Что на них купишь, товаров нету. Не нэп. Люди не голодают: выдаём паёк по карточкам,

у кого семьи большие – даём в долг, под расписку, вон у тебя этих писулек сколько накопилось. Есть мука, пшённый и перловый концентраты, сухари, два мешка конфет. Наши с обменом в колхоз уехали, за горючку раздобудут капусту и картофеля. Деньги из банка никуда не денутся. Потом – без охраны опасно. Вот пришлют милиционера, тогда... К завтраму все концы сойдутся, Коля.

– У тебя что, револьвера нет, Никифор? А ещё директор!

– Маузер, да что толку? Гнать за сорок вёрст полную телегу денег – не ближний свет. Иди к себе спать. Давай, топай, я тебя отпускаю. Вот записка на баню. Талоны возьми у завхоза.

8.

Руфина Рыжова: – Жабреев чувствовал беду. Всё ты, Коля, две ноги в один сапог: ехать и ехать!..

Веденеев: – Ты, Руфа, меня не собьёшь. Деньги – часть советского образа жизни. Мера труда. Они должны поступать трудящимся бесперебойно. А в предчувствия всякие я не верю. Ты, может быть, как женщина, суеверна, я нет.

– Сердце ему подсказывало...

– Сердце подсказывало другое: и платёжная ведомость воюет. Верить в предчувствие – мистика, От старости.

– Сейчас не одни старые в предчувствия верят.

– Такие, как ты, настырные, кому хочешь голову заморо-

чат.

– И правда, Коля.

Мучать его расхотелось.

Веденеев

Сибилёв крепко задел его.

Ночь показалась нескончаемой.

Он поневоле прослушал весь дом – дверные громыхания и скрипы, запоздалый скрежет и рокотанье стиральных машин и поздний телевизор («Уд-да-ар! Го-о-ол!»), бубнящее радио, громкие шепотки в подъезде и плач ребёнка, ругачку пьяного дурака, а дальше уже и ранний «Маяк», и стук уроненной гантели, и дятлом бьющую по ушам пишущую машинку диссертанта... А с шести тридцати утра, хоть не заводи будильник, – неукротимые фортепианные гамы выносливой и терпеливой девочки из сорок первой квартиры.

Внутри этой чужой жизни постигла его и минута забытья. Талочка присела на белом госпитальном стуле, погладила руку. Нагнулась, подбила с двух сторон подушку. Мебель вся выкрашена одинаковой белой масляной краской – стол, стул, кровать и тумбочка.

... Позже в землянке, прилаживая без света жалкие свои ремешки-держалки, он слышал её шёпот: «Разве пора, Коля?» «Талочка, ты бы осталась...» «Когда я тебя оставляла? Покуда я с тобой, и ты целый...» Дольше перешептываться

было неудобно, кругом люди.

Поднимаясь, он едва не уронил ведро.

Талочка и впрямь никогда не раздумывала. И в те давние, сказочные предвоенные дни, когда её с двух сторон осаждали авиаторы Ашихмин и Веденеев, а она ни одному не отдавала предпочтения, но и не прогоняла ни того, ни другого. Оба не годились в герои её романа, а третий не появлялся.

... в голубое полудённое мгновенье, на тренировочном поле...

Неотвратимая, как метеорит, из голубизны, в чаду и пламени, свалилась машина Веденеева. Их Старший, багровея, нёсся на перкалевый костёр с поверженным в нём человеком. Впереди Старшего бежала женщина. Старший, опасаясь взрыва и второй жертвы, вопил во всё горло: «Назад, медсестра! Я сказал: назад!» А Талочка всё оставалась впереди него, и это Веденеев ещё смог увидеть и запомнить, а вот как она выдернула его из огня, из обломков, уже не воспринимал... странно, он горел, а серьёзных ожогов не получил, возможно, потому, что тогда не носили ничего капроново-нейлонового, хотя плащи-то были из прорезиненной ткани, тоже, по-нынешнему сказать, синтетика.

...а ногу ниже колена как ножом срезало.

...и Веденеев истекал кровью, плавал в луже крови, и как-то те двое остановили кровотечение, уняли, и он выжил. На-

таша не любила вспоминать: остановила, и остановила – ну, жгут, ну, индпакет, ну, повязка, меня же учили. Ну, Еремей Ашихмин помог – держал крепко... и не допытывай – жив, и ладно...

Много суток он был между жизнью и смертью. Талочка дежурила безотлучно, что объяснимо: полётная медсестра, в чью смену произошла катастрофа.

– Что Старший? – спросил Веденеев, чуть оклемавшись.

– Признали: не виноват. Машина отказала.

К Веденееву окончательно вернулось сознание, и с тем – отчётливое понимание рокового смысла случившегося.

Наташа ушла с полётов и поступила в госпиталь. Ради меня, калеки.

А она, собственно говоря, уже там, на поле, в первом порыве, узнала и свою, и его судьбу... Но тот, кому довелось опробовать крылья, никогда не смиритсся с увечьем; лётчикам тогдашнего, близкого к пионерному, времени не летать – значило не жить. И Веденеев не торопился сдавать пистолет, примеривал и так, и этак.

Талочка предвидела.

И удержала.

Веденеев: – У кого что болит, Руфа... Скольких людей я знал или примечал, что мучаются ногами, – в больницах, на протезных заводах, среди ветеранов, на улицах, в очередях... То мальчик с параличной ножкой, то девушка, при-

падающая на от рождения укороченную ногу, то хромой инвалид с палочкой, то катит на коляске... потом разбогатели, появились «запорожцы» с наклейкой на стекле «ручное управление»....

... безногий сапожник...старик из города, по телевизору показали, изобретатель протезов...

... доктор, с укорочением, в супинаторном ботинке... а врач хороший, душевно к людям...

И, естественно, к фронтовикам особое внимание.

Дорога

Запрягала Груньку немолодая солдатка, из местных, Пелагея. Сани ещё не успели наладить, некому, ездили на колёсах. Пелагея кинула в телегу сенца, просила шибко не гнать, поберегли бы Груньку-то.

– Смёрзнете, однако, – сожалеюще сказала Пелагея, Из тёплого у них только стёганки да ватные штаны, у женщины муфта, сама хоть в платке, бухгалтер в кепке, затискал руки в карманы. Пелагея стянула с себя телогрейку, бросила Талочке. – И не отнекивайся, у меня друга, запасна найдётся. – Ещё-то кто с вами?

– Директор Жабреев.

– Погодьте, пока он собирается. Я счас.

Сходила, принесла от сторожей три потёртые армейские ушанки, овчинное покрывало, да три пары верхонок.

– Бери, милочка. Ехать долго. Напрямки сорок кил`ометров, ежели по тракту, а лесом махнёте – считают двадцать восемь. Грунька у нас старенька, ейный шаг недлинный.

Веденеев уходил торопить Никифора. Подумал о ерунде: Жабреев, техник, с образованием, подсчитывает расстояние по-старому вёрстами, а малограмотная Пелагея говорит правильно: километры.

Прибежал Жабреев.

– Возьмём Пелагею?

– Я бы тебя не взял, – огрызнулся на Николая.

– Что так?

– А то сам не знаешь...

Знал, конечно, почему нельзя снимать и брать с собою конюха Пелагею: она, помимо конской тяги (упомянутая Грунька и два других одра), отвечала и за собачий парк, а собаки – сторожи заводские, голодными их не оставишь.

Кроме того, Жабреев уже узнал оба пути – и трактовый, длинный, и другой, наезженный лесом, что покороче.

Путь далеко был виден. Луна, как выкаченное блюдо, сияла почти ослепительно, а кругом неё расстилалась тёмная, с драгоценной прожелтью, мраморность неба.

Из барачного городка вынырнула мужская фигура. Заметив едущих, неизвестный дёрнулся было обратно, да раздумал. Метнулся через дорогу и скрылся в лесу.

И пусть его, мало ли у кого какие дела в лесу поздней ночью.

Дознание

Следователь, тощий, с изуродованным вражескими осколками лицом, крутил козыи ножки, набирая коричневыми пальцами злую махру из фронтового подарочного кисета. Крошки сыпались на шинель и на снег. Следователь никого не звал разделить с ним курево, поскольку вёл не дружескую беседу, а формальное дознание. Стало быть, свидетель мог в одну минуту превратиться в обвиняемого, то есть в обвинённого, значит, во врага, — а как же с врагом делить курево?..

Следователь разговаривал резко, исключительно по делу. Неоднократно, в разной тональности, как бы невзначай спрашивал, обязательно ли было ликвидировать лошадь, на тот момент почти единственное тягловое средство на заводе?..

Веденеев уразумевал трудно: лошадь, причём тут лошадь, когда погибла Талочка... ну, да, лошадь пристрелили, чтоб не мучилась, её же больше нельзя использовать, так всегда — пристреливают.

Следователь досадовал: в его эксперименте недоставало чистоты. Для повторения события в интересах эксперимента в ближнем совхозе раздобыли другого конягу.

Следователь злился: ваше, Веденеев, дело не единственное, а одно из многих по саботажу, уходит время...

По видимости, следователь приступал с конца. Однако его беспокоило главное. Преступление совершили братья Мо-

хрюткины, это считалось установленным. Последыши семьи конокрадов, скрывались поблизости от здешних мест, надлежало выяснить, вело ли их наитие, знали или слышали о заводской экспедиции от подельников среди работников предприятия, или они были частью нераскрытой банды, орудующей в окрестностях Города в момент, когда реализуются важные народнохозяйственные планы. В последнем варианте сознательное уничтожение тягловой силы могло рассматриваться, как элемент диверсии...

Следователь: - Всё не ясно. Навстречу вам с территории завода, пусть из жилой зоны, всё едино завод, воровским образом прокрадывается человек, удирает, а вы даже не пытаетесь задержать его. Вернулись бы предупредить сторожа – так нет, едете себе дальше. Время, сами знаете, какое, вражеских недобитков полно повсюду, вы не в артели «Пух-перо», а на государственном объекте особой важности. Мохрюткин явно выслеживал ваш маршрут. Поясните.

Веденеев: – Знал бы, где упасть...

– И всё же?

– Спешили. О цели поездки знали только три человека: директор, моя жена и я. Конюх не в счёт, она не была посвящена.

– Вы больше всех настаивали на срочности?

– Да. Люди сидели без зарплаты...

– Могли вас подслушать?

– Могли.

– Где и каким образом?

– Да хоть бы в гостинице. В землянке.

– Ещё где?

– Да где угодно. Кому нужно, тот уши наострит, не спассёшься...

Следователь облокачивался на стол, укладывал голову в развёрнутые ладони. Оба измотались: эксперимент начался в половине четвёртого утра, длился много часов, и весь вечер, следующий день и часть другой ночи длился допрос.

Следователь: – Допустим, спешили, допустим, не война. Однако же конюх Пелагея Журавкина опознала задержанного Мохрюткина. Выходит, она различила, а вы нет. Мохрюткин показаниями жителей Чеминдинска характеризуется как личность тёмная, из семьи лишенцев, уклонщик от мобилизации, чудом избежавший трибунала, злостный тунеядец и вор. Журавкина после происшествия поставила вас в известность, но в органы не обратилась. Вы тоже. Почему?

– Собирался. Не успел.

– Детский лепет.

– Журавкина о Мохрюткине отозвалась презрительно: шляется по девкам. Я был в горе и не сразу подумал, что он грабитель. Других объяснений у меня нет.

– Нарисуйте ещё раз, кто как располагался на телеге.

Веденеев брал карандаш и рисовал на бурой, с неперемолотыми щепками бумаге то, что от него требовали.

Письмо (перед опубликованием в городской газете слегка поправлено журналисткой Ларисой Сорокиной)

«Сергей Савватеевич, отзываюсь, сколько могу, на твою просьбу описать факты, без лирики. Боль притупилась за столько лет, но окончательно не ушла. Всё опять взбалмусилось. Но постараюсь рассказать, как было. Изволь прочесть.

Зарплата основная помещалась в двух брезентовых мешках. Стенки их выступообразно вздыбливались торчащими пачками сотенных, тридцаток, червонцев, пятёрок, рублей. Третий мешок был с мелочью, очень тяжёлый.

Я вынес деньги на банковское крыльцо, поставил мешки на телегу. Талочка помогала. Вышел из банка Жабреев с портфелем, где вёз документы. Талочка накинула на мешки овчину. Поехали.

Банковская площадь была безлюдна. Вообще городские улицы выглядели пустынно. Нам встретились только солдаты, шедшие строем, старуха с полными вёдрами на коромысле, какие-то дети... Никто не попадался нам и дальше, за городской чертой, на лесной дороге. Мы, понятно, чувствовали себя настороже, взглядывались в тени между соснами, в торчавшие сквозь белизну кустарники.

Жабреев отобрал возжси и гнал, как хотел.

Вы не забыли? На двоих у нас было три ноги и три руки,

всего шесть конечностей вместо восьми.

Кобуру я растянул и сдвинул директорский маузер кпедри.

Во второй половине дня пошли холмы, до серых папоротников, до чёрного брусничника близ одиноких стволов, обдутые ветром.

Жабреев разлепил губы:

– Скоро дом: деревня и завод почти что рядом.

Нам предстоял крутой спуск, его конец обозначался светлосерым бескорым пнём, стоящим наклонно. Этот очень высокий пенёк я заметил когда ехали туда – с него, взметая снежок, порхнула сорока. Сейчас, прислонясь к нему, стоял человек. Грунька пошла на спуск, и он двинулся нам навстречу.

– Затопчу! – крикнул Жабреев. Но тот поднимался. Башика здоровенная, будто водяночная, под рыжим треухом, как у киргизов или алтайцев, пальто городское, суконное, распахнутое, сапоги офицерские, хромовые.

– Уходи! – орал Жабреев. Лошадь пёрла прямо на этого мужика.

В руке у него отсвечивал топор.

Вдруг лошадь осела передними ногами, к ним подтянула, оскальзываясь, задние. Телега нас выбросила, раздался треск, и мы услышали дикий, мученический крик лошади.

Сзади, с горы шёл с обрезом второй урка – давший, утренний.

Вырыли, значит, обманку на дороге, и ждали: нижний на виду, верхний повыше, за деревьями.

Я очутился на земле. Успел схватиться за горловины мешков с бумажными деньгами, решил, подохну, но не отдам. Впереди, у дерева, скорчилась Талочка. Жабреича я не видел. Бандиты подходили с двух сторон, а я всё, как помещанный, держался за мешки и не лез в кобуру.

– Стреляй, Коля! – приказал Жабреич откуда-то сбоку. И, отвлекая их: – Вы, гады, что творите? За нами лыжники, солдаты, энкавэдэ...

– Молчи, дурак! Мы тебе и солдаты здесь, и энкавэдэ, и лыжники без снега...

Мелковатый, поджарый мужичонка, щеря гнилую пасть, выстрелил прямо, почти в упор, убрал из игры Жабреева. Тут я и расстался с мешками, рванул наконец маузер. Нижний, топорник, бежал ко мне, а большие у них никого не было.

Я выстрелил в того, с обрезом. Намёрзшие руки подрагивали, но на стрельбах лучший результат получался у меня из положения лёжа, и я попал.

Он падал рожей вперёд, медленно, будто споткнулся о протянутую через дорогу верёвку. Упав, ещё пробороздил на брюхе и остался лежать ничком, с подвёрнутыми руками. Обрез отлетел в сторону, и тем спас налётчика: моя пуля ушла рикошетом и впилась в шейную мякоть, не задев сонную артерию, мне об этом потом сказали. Он выглядел мёртвым, и потому я всё внимание переключил на второго.

Тот не ждал вооружённого отпора. И побегал. Ко мне.

Подбегая, он уже поднимал руку с топором. Одно оставалось – послать пулю в эту руку. Я так и сделал. Топор упал, рука повисла. Бандит завопил, стал опускаться на корточки.

– Стоять! – и я для острастки выстрелил ему поверх головы.

Так всё и было, Сергей Савватеевич.

Веденеев: – Я и повторяю, гражданин следователь: подслушать всё могли. В землянке занавесок навешено много, но от них звук только сильнее, потому что все же друг к дружке прислушиваются поневоле... и где-то в углу возились...

В следственном эксперименте взяли участвовать, кроме Веденева, нескольких молодых работниц – на все роли. Среди них и Руфину, в девичестве Верёвкину.

Ныне Сергею Савватеевичу мало кто поможет восстановить истину. Оставались лишь Веденеев и Руфа, впоследствии она вышла за баяниста Веньку Рыжова, поменяла фамилию. Остальные – кто разъехались, иные умерли, и разудалый Венька Рыжов, заслуженный слесарь, ударник комтруда и прочее, тоже отыграл своё на баяне и *после тяжёлой и продолжительной болезни* (некролог в городской газете) покинул нас навсегда.

Выживший тогда Жабреев существовал замкнуто, бумагу после себя не оставил.

Рыжова одно твердит насчёт писаний для истории завода: «Я старая, мозги склероз разъел».

Дознание

Подобно придирчивому режиссёру, следователь проигрывал с ними сцену разбоя. Выяснял, нет ли преступного сговора. Кажется странным, что в деле государственной важности разбирались не всепроникающие люди из НКВД, а простой уголовный розыск, но так оно и было.

На вопросы смог ответить единственный уцелевший участник бойни со стороны завода – Веденеев. Жабреев, полюбивший, не совсем в себе и своём уме, карабкался от смерти на госпитальной койке. За те дни, что прошли до начала расследования, в лесу многое изменилось. Два снегопада смели следы, удалось раскопать только кусочки наста, спекшиеся от крови. Память Веденеева оставалась единственным источником истины.

Одетый в шинелку, застёгнутую под подбородком, с натянутой на голову фуражкой и в непочиненных ботинках, следователь ужасно мёрз. И все, конечно, тоже. Но из лесу уйти до времени было нельзя.

Следователь: – Поясните, пожалуйста, почему, при оди-

наковом, по видимости, механизме удара при выбросе из телеги, вы, Веденеев, остались невредимы, тогда как ваша жена погибла, а Жабреев получил тяжёлое ранение? Покажите место, где оказались вы, а где Жабреев и Наталья Веденеева. А вы, Верёвкина, вы лягте под вон то дерево и постарайтесь представить себя в тогдашнем положении Веденеевой. Где вы стояли потом, Веденеев? И так-таки никого больше не видели? А если хорошо подумать? Покажите, где стоял нападавший, которого вы, по вашим словам, упустили...

Фразы, подобные последней, часто срывались у него с языка. «Будьте точны, ведь вы собираетесь ещё поработать у себя на заводе... или не так?»

Подозревался каждый, кто попадал в поле внимания следствия.

Веденеев: – Следователь сопровождал свои вопросы движениями рук, и я долгие годы спустя помню эти выразительные ладони – как часть кошмара, как неразрывную его принадлежность. Казалось, длинные, страстные следовательские пальцы, уже не жёлтые, а зловеще чёрные от махорки, витая у моего лица, упорно искали, нащупывали связующие нити. Дергали, не разбирая, и там, где кровоточило.

9.

Рыжова: – Не ждал меня, Сибилёв, признавайся!.. А я

вот явилась на свиданку, хотя и не званная, и можешь не озираться: тот, кого ждёшь, сегодня не придёт. Ночью я к нему вызывала скорую. Назначили постельный режим и чтобы вызвать участкового врача.

Коля постучал мне в стенку. Как раз я и не спала. Внучка хворает, так я встала ей молочка согреть. Кормим по времени, витамины, закаливание... Надо, чтоб здоровыми росли, не то, что мы старичье беззубое... Ладно, не о внучках, у-у-у, какой нетерпеливый!.. Я тебя ругать пришла, Сибилёв. Разволновываете вы с Барановским Сергеем Савватеевичем дружка своего. Сергей-то Савватеевич забавляется на старости лет писульками... возможно, и для потомства, что спорить, но кто о нашем здоровье позаботится, разве что сами мы друг о друге...

Это ты, Сибилёв, Колю разбудоражил. Ты, не отпирайся! Ты на заводе новый, – подумаешь, пятнадцать лет оттрубил до пенсии. Это не срок. Тебе лишь бы вызнать, приспичило выведать, отчего Коля Веденеев вторично не женился?..

Коля был мужчина видный, на него не одна женщина глаз положила. Ходил – что на деревяшке, незаметно. Ну, как будто не заметно. Надо приглядываться, а кому охота – мужиков с фронта не так много вернулось, все наперечёт... Танцевал – как будто обе ноги есть, и здоровые! И зарабатывал по тем временам прилично. Так что за него любая пошла бы.

Нет, бобылём остался.

Талочка так им дорожила, могла бы и не ехать, да как не поедешь... Погибала страшно – шея вывернута, порвана, позвонки изломаны вдребезги... Коля прикинулся к ней на деревяшке, припал к своей Талочке и чуть не умер от горя и ужаса. А на нём, между прочим, три мешка денег, один – с мелочью, тяжеленный, как станок у нас на штамповке...

Про Жабреева? Коля подумал: неживой и Жабреев.

Притащили в завод. Обоих пострадавших – живого и мёртвую.

Коля пришёл к заму – тогда Супонин крутился, случайный на заводе мужчина, после он сошёл незаметно. Заробел: люди погибли, как деньгами распоряжаться до приказа от властей? Коля настоял: деньги в сохранности, зарплату выдавать необходимо. Ну, вот. В сборочном цехе на конвейерную ленту положили кумач. Все плакали, все, все, Сибилёв... Воронин, парторг, сказал речь, промямлил, но кто бы придирился...

Раскрыл Коля платёжную ведомость, и бледный стал, как полотно, краше в гроб кладут, но не отошёл от кассы, сам отсчитывал, что положено. Всю церемонию сам провёл...

Что говорить, тогда к деньгам было другое отношение. Думали не про роскошество, а про то, каким трудом они достаются. Какой кровью.

Когда брали Мохрюткиных, там ещё два брата-акробата нарисовались в семейке, одна бандитня, – проводили через толпу, то женщины их едва не растерзали. МилицIONеры

удерживали.

И тогда тоже умели преступников отлавливать.

Ну, все подходили, расписывались. Коля каждому руку пожимал. Слезы ему я вытирала...

Хоронили Талочку, как на войне. Стреляли вверх. Из маузера.

Вот, милый Сибилёв, и всё.

Так и скажи Сергею Савватеевичу: всё.

– Надо было рисковать или нет? Сами, старики, и решайте. А я что? Моё дело десятое, мне только молочка взять в магазине, да хлебца, да крупы перловки – для птичек...

– А сама хлеб есть перестала?

– Очень редко, если только кусочек...

– По телеку твердят: вредно...

– Да как не верить – телек же, там проверяют. Ладно. У нас завтра балетный кружок, она горячее молочко не выносит, а тут посылает: иди, баба, я пропускать не хочу, а хочу лечиться.

– Я одного не пойму, Руфина, – не выдерживает, переводит её на другое Сибилёв. – Что вам за следователь такой попался – дотошный. Эксперимент ему зачем-то понадобился. И так дело ясней ясного, – как на ладони: грабители, плохие люди, не наши, бери, арестуй – и на срок, или там под расстрел подводи. А он вот еще всё, как на сцене, разыгрывает. Спрашивается, зачем собаке блин, самому тяжело, и людей

замучил. В ОГПУ бы враз всё открыли...

– Какое тебе ОГПУ? Зачем ОГПУ? Опомнись ты, Сибилёв, миленький! Тогда было энкавэдэ, вспомни... Мохряткиных братьев туда и передали. Их дальше и след простыл...

– А, может, ГПУ с вами и занималось, – вдруг начинал догадываться много чего знающий Сибилёв. – Только прикрились чужим именем, а? Тебе никогда не казалось?

– До того ли мне было, чтобы разгадывать? Дрожала вся от холода и от страха. Ну-ка, под деревом полежи, где только сейчас человека убили... да в мороз, да в одежонке бросовой – небось, и ты забоишься... И сейчас, как память проснётся, дрожать начинаю. Власти боялась, конечно. Вдруг признают виноватой в чём-то? Да кто не боялся, скажи?.. Порядок был, Филимон Митрофанович, порядок, понимаешь? Следовательно так велели – он делал... А что да почему, наверное, он и сам не знал. Порядок не нам разбирать... Не то, что теперешние, расхлябанные, только бы увильнуть...

– Ну, и объяснения у тебя, Руфина, сразу всё по полочкам...

– Опасный ты человек, Сибилёв. Задержал меня вон как. Коля захворал, в лёжку лежит. Пойдёшь проведывать – прошу тебя, как друга, прошлое не вороши. Говори про нынешнее.

Часть первая. Нападение

Глава первая. Предупреждение

Мастер Ахтубин бежал по заводскому двору, да вдруг споткнулся и встал, как вкопанный:

– Ба, Николай Ильич, сколько лет, сколько зим, куда вы запропали?

– погоди, Феденька, попроберусь к тебе.

Пожилой человек с печальным лицом и глазами, выражающими боль и страдание, ветеран завода Николай Ильич Воронин, пробовал землю ногами в мелких штиблетах. Нынче на Новой площадке асфальт, по любой погоде пройдёшь в легкой обуви. На Старой же в сырые дни по-прежнему желательны сапоги, но, едучи в машине, в сапоги влезать как-то не хочется. Сегодняшняя грязца – так себе, можно мириться без лишней воркотни.

Немощёная земля на заводской территории раздражает, зато рядом лес, река, благотворные для человека изначальные каменные (а не панельные) бараки, где размещались цеха, переехавшие недавно во вновь построенные корпуса Новой площадки. В ту эпоху, когда производство базировалось здесь, Николай Ильич пользовался известностью, был в авторитете. На ламповом «Старте» поднимался до должности начальника ОТК.

Николай Ильич – из тех, уже немногих оставшихся, кто не называет Ахтубина на «вы», а, между прочим, мастер Ахтубин тоже не юноша, 38 лет, среднее заводское поколение.

Причем обращение не начальственное: руководство *тыкает* тебя независимо от возраста и стажа, а такой вот Николай Ильич относится по-отечески, как старый педагог, по шерстке поглаживает выросшего ученика.

Когда-то завод чуть ли не исходил обсуждениями насчёт Воронина. Николай Ильич по очереди (или каким-то образом обойдя её) купил «москвича-408-го», и пошли вопросы с подковыркой: дескать, куда ездить станешь, Коля, по нашим богоспасаемым Чеминдам, всех куриц распугаешь!..

Потом поднялись многоэтажки, улицы легли асфальтом, машины вздорожали, появились усовершенствованные варианты, и в немалом количестве, так что очереди, несмотря на цены, уменьшились, приобрести машину стало проще, и хлынул вал покупок, брали все, кому не лень, рабочие, ИТР, строили гаражи, проводили там время, сбивали с соседями компании, чтобы попить на досуге водочку – вдали от жен... Воронин, автопионер, сменил 408-ю модель на 412-ю. Машину держал в сарае, в гаражное братство не влился, из-за того, что жил на отшибе, в отдельном финском домике с пристроенным мезонином. Ездил в основном на работу, да изредка по другим неотложным делам.

Тоже бедун. Выросла, уехала с мужем дочь. Жена познакомилась на курорте с человеком, для нее лучшим, чем Воронин. И в этой прискорбной ситуации Николай Ильич снова слышит первопроходцем: после их, не слишком примечательного (заметим кстати) развода, распавшиеся семьи на

ЧРЗ становились едва ли не заурядным явлением. Кто-то не выдерживал вечной текучки, сверхсильной загруженности, бесился, воображал себя в одиночестве непонимания, и это при живом муже или при живой жене... Воронина, соломенного вдовца с машиной и собственным домом, атаковывали разведённые жёны, но он устоял.

– Полюбила сатана, забудешь про ясного сокол`а, Николай Ильич, – говорила Вепрева, тоже в одиночку кукующая на заводе. – Так ваша супруга и поступила. Припозднилась, правда, оттого вам и больно вдвойне. Всё надо делать заблаговременно, включая и разрыв. Но не смертельно, вы ведь уже привыкли, так? Дальше ещё легче будет.

Это она сегодня утром так утешала, по дороге в аэропорт. Позвонила:

– Выручайте, Николай Ильич. Самолёт через два часа. Просить у начальства, сами знаете, как у нас насчёт машин.

– Вы на работе?

– На работе.

– Выходите на проходную, Альбина Севериновна.

В пути старые, бескорыстные друг к другу, редко встречающиеся приятели помаленьку отводили душу. Воронин знал: она не его, а свою боль пытается уменьшить. Угрызения совести – штука зверская. Муж погиб от саркомы, а незадолго до этого они развелись. При её умонастроении такую вещь, как саркома, связать с отвергнутой любовью – пара пустяков. Вепрев свалился, Альбина вернулась – выхаживать.

Самоотверженность вместо любви – нет, не проходит. Плата вышла суровая: дочка Ольга с малолетства сбегает из дома, Альбина время от времени пытается её находить, не всегда в Чеминдах, мать берёт командировки, срывается наобум, каждый раз предполагая, где найдётся непоседливое чадо.

После смерти мужа Альбина полностью приняла его верование в пришельцев, и не скрывает ни от кого, что думает об инопланетянах и всяких, там, перевоплощениях, как о полной реальности. Иные за глаза посмеиваются, но большинство принимают Вепреву, как она есть, вместе с теми пришельцами и кармой всяческой.

– Куда-то ездили, Николай Ильич? – спросил Ахтубин.

– Отвозил к самолету Альбину Севериновну. Головчинов дал ей задание перед новой моделью побывать в ИРПА*, разузнать обстановку.

*ИРПА – головное экспертное учреждение: Всесоюзный Научно-исследовательский институт радиовещательного приёма и акустики.

– Как Сувенировна поживает?

– Севериновна, – поправил по-серьёзному Воронин.

– Снимаете её в картине, Николай Ильич? – спросил Ахтубин.

– Хотелось бы, да наверняка откажется.

– А вы уломайте, Николай Ильич. Нас, бракоделов со стажем, осталось по пальцам пересчитать при нынешней текучке. В фильме о юбилее завода должны бы все сняться.

– Видишь ли, Феденька, основной материал отснят, а Вепревой кадра не досталось. Мережников обещает подкинуть денжат еще на одну часть. Но как уговорить Альбину?

– Попробуйте через Головчинова. У вас лад с ним?

– А, может, подключить Мельникову-Крафт?

– Ну, начинается высокая заводская политика: как говорится, *весь Чеэрзэ от Альбины до Рeginы, и обратно*. Сие мне не по зубам. Моя беда с виду попроще: приёмники налево поплыли.

– Старая песня: объявляют полноценное изделие некондицией, выделяют *штуки* на подарки и представительство. Якобы действуют на благо завода, цель оправдывает средства: не подмажешь, не подъедешь – к плану, к прибыли, ко всему. Я этого не понимаю, хоть убей. Отстал, говорят.

– Большое бедствие, Николай Ильич. А где бедствие, там и следствие: параллельно спецзаказу вульгарные кражи посыпались. Тащат и тащат. Боюсь, аппараты от меня волокут, сердце не на месте.

– Ты, Феденька, будь на страже. Про всё забудь, а здесь – бди. Ты прав: левая продукция *взяткистам* и обыкновенное воровство – звенья одной цепи. Отвечает всегда стрелочник – ты, мастер. Требования, вместе с порядочностью, Федя, кругом снижаются. Возьми бывшего директора ЧРЗ: Войтов,

государственный человек, поставил во главу угла личные интересы, и, в результате, взят на более высокую должность!.. Охрана, опять же, слабая. Не тот, кто ворует, вор, а тот, кто вора проспал.

– Или тот, кто на вора глаза закрыл.

– И это, и это... А нынешний ОТК* товарищ Костерин – ему кондицию от некондиции

*ОТК – отдел технического контроля

бывает сложно различить. Держится за старые заслуги, да за покладистость. И Войтову угождал, и Мережников от его услуг, будь уверен, не откажется.

– Уж я-то Костерина знаю, Николай Ильич. Войтова он устраивал: в меру строг, в меру покладист, браковал и пропускал по директорскому запросу и указу. Крен был не на экспортную продукцию, и ОТК мог действовать в широких пределах допуска. Нынче происходит поворот. Мережников глядит дальше собственного носа. Его присказка: вал и качество – враги-братья. Из-за вала качество не разобрать, слишком высоко надо взбираться..

– *Взяткистами*, Федя, экспортная продукция особенно ценится. Ты, брат, смотри: как на экспорт поставят, жди задачку... Престиж, Федя, на первом аккорде. Взять тот же фильм. Пользуются моим пристрастием к литературе, но писать стихи и снимать документальное кино – совсем не одно

и то же. Об игровых сценах договорился, актёрам платить надо, а денег нет. Орудовать со спиртом или, упаси Господь, с некондицией – уметь требуется. Я и не берусь.

– Раньше легче было. У меня кореш Фастриков...

– Который? Гоша, нос красный?

– Пять лет, как не пьёт. Так он, задним числом, на Барановского не намолится. «Сергей Савватеевич, там голова, что ты-ы! Культура, ого!». Выпил как-то Гошка перед обедом стаканчик спирта. Вызывают к Барановскому: «Зайди по ферритам». Ну, Фастриков кинулся искать, чем бы заесть. Пришел к Сергею Савватеевичу, тот просит: «Объясни, у тебя не идёт, перерасход». «Да я, Сергей Савватеевич, да я... Всё исправлю». «Ну, ладно, в последний раз спишу.» Всегда, бывало, в последний раз. Пошёл Гоша, от двери слышит: «Хорошо, когда от мужчины пахнет спиртным, но плохо – когда чесноком». – Фастрикову, значит.

– Патриархальные нравы, Федя. Но вы Барановского не идеализируйте. Тоже – надо, так три шкуры спускал.

– Понимал мастера Сергей Савватеевич. Разве ж один Фастриков его добром поминает... Всё на мастера валят. Нужен передаточный привод от рабочего к администрации – мастер всегда под руками. Вы по ОТК знаете, сам нас всегда в чёрном теле держал, Николай Ильич.

– Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой... Увёл ты меня от мрачных мыслишек, молодец. Как дома?

– Дома – мрак. Гиль сплошная. Галька только в обнимку с топором разговаривает, как бы в один прекрасный момент по черепку не тюкнула. Не пара мы, отсюда всё начинается, и тем заканчивается.

– За семейным скандалом работу не упускай. Обидно будет, если тебя повалят, как трухлявый пенёк. Ну, держи пять!

– Спасибо за предупреждение, Николай Ильич. Вот здесь тропочка сухая. Идите.

– Бывай.

Глава вторая. Командировка в Москву

Альбина Вепрева

В командировку внеплановую, ни с того, ни с сего, единственно под Кланин телефонный звонок, мог отправить лишь главный конструктор Головчинов, и сделать такой подарок только одному человеку – своей сотруднице, тысячу раз проверенной в деле Альбине Вепревой.

Потому что Альбина зря не попросит.

А заделёе для делового визита в Центр у завода всегда найдётся.

Кланя в трубку ныла:

– Я тебя жду, жду. Мне плохо, плохо. А тебя нет и нет.

У Альбины внутри точно плотину прорвало. С младшей

сестрицей прочно ассоциируется дочь Ольга. Чем черт не шутит, вдруг нынче она там? Ненавидит мать, а тетю Клаву привечает. По звонку судя, похоже, что Ольги там нет, где-то скрывается в посторонних направлениях. Иначе бы Клавдия сказала: Ольга здесь, у меня. А то – о себе: мне плохо, плохо...

Но никакие доводы рассудка уже не действуют. Голова вроде бы, как полагается, занята расчетами по очередной новинке радиоаппаратуры, а в груди жмёт, аппетит исчез, что бы она делала, если б из продажи вдруг убрали курево? Не раздумывая, пошла бы вместе с толпами других заядлых курцов перекрывать трамвайные линии.

Напротив, алкоголь ей всегда был противен. На уколы бы перешла? С этим в стране строго, доступ туда перекрыт, хотя где-то в потаённых глубинах сознания манящая мыслишка и копошилась.

И Альбина, чтобы не пробиваться, куда не надо, всех мигом подняла на ноги: Головчинов подписал командировку, Полувеев сделал авиабилет, Воронин доставил в порт.

И вот она в Москве. Такси, подъезд, лифт, двенадцатый этаж. И сразу, после поцелуев, Кланины дразги: очередной дружок, мерзавец, ни с того, ни с сего её бросает, оттого депрессия, свет не мил, с деньгами туго, в школе другие училки окрысились, подсиживают, соседка сверху заливает кухню. Оли, разумеется, нет и не было. По мере кланиной исповеди

сердце медленно стихает, местечко для Тайгеты и ИРПА в нем восстанавливается.

Ольга на практике в Ярославле. Могла написать, могла и позвонить, нашла бы копейки для матери. Не в тему?.. Ладно, опять перетрётся...

В доме стоял сплошной рёв. Вера с восьмимесячным Сачечкой на руках сбежала от мужа к матери. Бедлам и дым коромыслом.

– Аля, какие у нас дочери! Всё, что выкидывают, падает на наши головы! Ты уедешь, Верка опять что-нибудь натворит.

– Да, мама, ладно тебе. У тети Али своё горе. Я не выношу давления, а *он* меня совсем задавил! Ты прими таблетку, и сразу успокоишься. Тетя Аля, к вам наверное это еще не дошло. Чудо лекарство, снимает депрессию. Импорт, чёрный рынок. Я и вам достану. И стоит совсем не дорого.

На серванте лежала начатая облатка. Альбина выдавила из блистера и проглотила таблетку. Запила теплой водой. Осознала, что таблетка провалилась куда надо. С этого момента лекарство начинает действовать. Можно посчитать по циферблату. И действительно стало спокойнее, пульс утих. Ночью спала крепче обычного, несмотря на художества этой оголтелой семейки.

Странно, что она не сама дошла до понимания смысла в находках из фармацевтики, и ранее этому не придавала значения. Впрочем, всякий фрагмент из матрицы времени на-

ходит нужное звено в предназначенный момент, и ничего никогда не бывает запоздалым.

– Надеюсь, ребёнка ты аптечным кормом не пичкаешь? – спросила у Веры.

– Нет, что вы, тетя Аля, будьте спокойны. Я и сама, когда кормила, то в рот не брала. Советовали водкой поить, чтоб спал. Тоже не слушалась.

– Ребенка она, Аля, жалеет. А муж – от мужа у мамы спасается. Но стоит ему свистнуть... Переехала бы уже нас всем ко мне, и дело с концом.

– Мама, ты ничего не знаешь! Он на меня дурно влияет, совсем задавил. Приезжаю к тебе, чтобы передохнуть. Больше некуда.

Вера повышала голос, Губки раздулись, слёзки отворились. Санька на руках у нее припустился реветь. Сунула ему соску, заходила по комнате. Ребенок притих, запосапывал, уснул, перенесла его в кроватку.

– Аля, ты нам погадаешь? Ты же всегда узнаёшь. Мы тебя так ждали.

Ну, начинается. Звали специально, чтобы поворожила, и тем успокоила.

Альбина раскинула картишки, произвела простенькое гаданье. Веруське выходило гадкое: у валета близость с крестовой дамой.

– Я так и думала!

– Вот и уходи, пока не поздно, – сказала мать. – Какая-нибудь из его поклонниц ведь и побить может.

– Я, мама, обречена, – тяжело вздохнула Вера. – Санечка без него тоже не может.

– Вот и глупышка. Терпишь, и терпи, и плакать не следует.

Альбина отвлекла их гороскопами. Всех, кого вспомнили, просчитали по нескольким системам – и каждого по отдельности, и по совместимости с парами. Клавдия оправдывала Веру.

– Моя дочь иной судьбы не заслужила. Мы, Аличка, солдаты, вынужденные ждать, пока наши суженные навоюются, а им всё мало, всё времени не хватает. Жизнь и проходит.

– В чем и ужас. Стоило тебе, Кланы, произнести магическое слово «солдаты», и всякая критика должна моментально умолкнуть. Уверовали, что ваши вахлаки заняты самыми важными на свете делами. А они между тем друг друга ст`оят, что зятёк, что папочка: прикрываются мантрическими играми, а не забывают за ваш счет сладко жрать и пить, валандаться с чужими бабами...

– Аличка, они зарабатывают столько, сколько нам с тобой и не снилось.

– А денег-то вы не видите. Кто-то видит, а вы так и тянете от полочки до полочки.

– Не в деньгах счастье, сама же говорила. Покоя нет, Аля, с тех пор, как мы получили это несчастное расширение. Будто бы семья может жить на два дома, в разных концах Моск-

вы. Давали бы рядом. Или меняли сами. Ну, кто так расширяет – надо укреплять семью, а они разъединяют...

– Жилплощадь – большая ценность. Хотя где, а в Москве особенно.

– Жить на два дома, в разных концах такого города, как Москва, тяжело.

– Мы с тобой вообще в разных концах страны, а ничего, семья, как семья.

– Сравнила!.. В Чеминдах жили в тесноте, но с надеждой. Соседи не подводили, руки всегда подставляли. Верку выхаживали всем миром потому, что мы с Варламовым вечно на работе пропадали. Страх подумать про её бесконечные гриппы, и все с осложнениями: то ушки, то животик, то поносы, то запоры, то сыпи, инфекции – руки падали, жуть брала, а люди помогали, ты появлялась – травку заваришь, компрессы, клизмочки, горчичку в носочки, банки на грудку. Тебе бы не конструктором быть, а детским врачом... Точки обрабатывать ты раньше всех научилась.

– Не преувеличивай.

– Я правду говорю. Вон какая Вера получилась. Здоровая, да красивая.

– Мама, не перехвали.

– Ладно... Иду вчера по улице – женщина, пожилая, перебежала под светофор, машина вынырнула, толкнула её, женщина едва выбралась, живая, в шоке, конечно, – встала к ограждению, согнулась, умирает совсем. Я подошла, взяла

за руку, обработала точки. «Вы медик?» «Нет, металловед»
«А, всё равно спасаете людей». И скорая не понадобилась.

– Выучилась у Варламова. Много у него взяла. Компенсация за его прохладное отношение к семье. Для меня общение с ним тоже не прошло бесследно.

– Варламов разве знал заботы? Поносы, запоры, ушки, глазки – глазки тоже воспалялись...

– Ну, мама, ну, перестань, сколько можно... У Санечки та же история: носик, ушки, глазки, ты хочешь, чтобы его отец или дед с этим занимались? Только хуже сделают. Тетя Аля не за тем летела, и папа не при чем, и расширение. Сменяемся, когда найдётся приличный вариант. Все меняются, и мы не рыжие. Дай время!..

– У меня противоречивое чувство, Аля. Вроде бы я упустила мужика, проворонила. А с другой стороны, ты предупреждала о нашей несовместимости, но как я могла поверить? Он взял кармой. Так подошёл, что, казалось, и вырваться невозможно. И вот я за столько лет так и не определила: в нём, правда, что-то есть редкое, суперменское, или одно ловкое притворство? Но за притворство его бы в Москву не перевели. Мало ли что здесь учился, и друзья заняли положение. Они же разборчивые. Забирают тех, кто им лично полезен.

– Думаю, что у него, во-первых, сильное биополе, – спокойно сказала Альбина. – Он индуктор по природе. Удача его в том, что на пути часто попадаются соответствующие ре-

ципиенты – восприниматели – перерабатывающие ту информацию, что годится для его карьеры. И ты тут оказываешься использованным и выброшенным в балласт материалом.

– Да, да, да, – завздохала Клавдия, И, чтобы она не зарыдала, Альбине пришлось успокаивать:

– Извини за жестокость и цинизм в моих словах, но, может быть, это и к лучшему. Привыкнешь сама за себя отвечать, переживёшь утрату, как если бы он умер. Утешение в том, что хотя бы цветы на могилку носить не требуется.

Сейчас в квартире, если не считать санечкиного рёва, тихо, посетителей нет и не предвидится. А в прошлый приезд Альбины стены дрожали от споров про карму, пришельцев, биополе и прочую эзотерическую всячину. Приходили мужики, в основном, двух видов: сановитые, сытые, в дорогих костюмах от знаменитых портных и заграничной обуви на каучуке, и контрастные этим, элитным – сухие, жёлчные, с невыспанными глазами, с бронхитом курильщиков и с мутной ненавистью в речах, такому народу *индийщина* придаёт оправдание, а в мыслях же укреплено: дали бы в руки нож или бомбу, и позволили крушить направо или налево, себя бы проявили, а так – чего же, только мантры пережевывать... Женщины отчего-то запомнились узкоплечие и широкобедрые, шалые, расхристанные, причёсанные кое-как и намазанные гуще некуда, но некоторые, надо признать, были очень красивы.

...немедленно, сию минуту брошу сигареты, именно тогда твердо и окончательно решила она, и последнюю, едва начатую пачку легонько опустила в мусорное ведро, рука не сразу разжалась, но, к счастью, её внутреннего боренья никто не видел, и мусор, не ревизуя ведро, Вера тем же вечером вынесла к приехавшей за ним во двор машине...

– Варламов дома?.. – Мы к профессору... – Занят? Возможно, мы зайдем попозже?

– Заходите.

И двигались чередой нескончаемой.

Кухня всех не вмещала, хотя Санечка еще лишь проектировался, Вера ходила, поглаживая растущий живот. Расширение требовалось позарез.

Вообще-то Варламова из Чеминдинска забирали в министерство, на солидную должность, взлёт в карьере неописуемый, под каковое назначение дали квартиру и прописку, вот, стало быть, так им дорожили, что дали квартиру с пропиской (в Москве!), и теперь расширение.

Но в нём действительно заключалась какая-то сущностная особость, распознанная министерскими, виды на него имевшими, мистиками, слухи о коих (включая информацию от самого выцарапанного из глубинки новичка Варламова) кругами неслись по впечатлительной Москве, и власть ничего с министерством не делала, не разгоняла, не осуждала, ибо те

же мистики и были самой властью.

Варламов уместно вписался в их ряды, но уже вскорости выяснилось, что к серьёзной должности надо и относиться с почтением, и деловые рамки все более превращались в прокрустовые.

Варламов мало занимался непосредственным делом, зато вокруг него образовывался и креп свой кружок, начальство негласно поддерживало: буддолог, выходец из Китая (эмигрантская семья репатриировалась, когда позволили), знаток восточных психотехник и психопрактик, к тому же с мощным биополем, а у них – у кого зубы гнилые, у кого сын наркоманит, а третьего, скажем, и вовсе геморой обескровил.

Варламов снимал, излечивал, потихоньку прорицательствовал, заверениям его верили. Другой Распутин, вторая Джуна, в одном флаконе, и где? В самом сердце родного советского приправительственного истеблишмента!..

Когда же ведомство, скрепя сердце, от него отказалось (формально исключив из штатного расписания), то при выходном пособии, в премию за заслуги, и выделило это расширение.

Ныне имя Варламова уверенно тусуется в среде московских *гуру*.

В семье известно, что его приглашают на самый верх, как советчика по прогнозам. Не выдумка.

Клавдия по сравнению с таким мужем – курица, да и разве подобные знаменитости нуждаются в официальных женах?

На развод она не согласна, хотя физического присутствия Варламова в этом доме давно нет. Он поселился в мастерской одной поклонницы – скульпторши, на добрых началах оставившей ему жилплощадь, – временно, на период ее отъезда за границу. Она укатила вместе с художником, которому ранее давала здесь приют. Сейчас оба в Париже, и, видимо, надолго, потому что в Союзе их искусство проходит по разряду непризнанных. Так что Варламов со своим биополем может вытворять что угодно, без оглядки на кого-либо.

Какие-то деньги оставленной семье от него переппадают. Вера позвонит, он скажет, когда приехать, выдаёт щедро, грех обижаться, Москва – город недешёвый, но на жизнь им, экономным провинциалкам, до сих пор худо-бедно хватает.

Насчёт замужества Вера бодренько тащится по стопам матери.

Малыгин прибил к варламовскому клану пару лет назад, и, по номенклатуре Вепревой, мог быть причислен ко второй, несытой и озлобленной категории граждан. Мужичонка серенький такой, невидный, претензионная гипюровая рубашка в оборочках, тощая бородёнка, голос бледный, с едва намеченными модуляциями. А Веру смутил рассказом об их гипотетической встрече в минувших реинцкарнациях, где она будто бы обреталась Шопеном, он Геродотом, отцом истории, и в нынешние времена имели карму встретиться и заключить сожителство уже в качестве мужчины

и женщины, жены и мужа. Верке (перестарку, по двадцать шестому годочку) и деваться-то некуда.

Синие, аквамариновые, бандитские его глазёнки, комнатуха в Томилино, плюс общее, полумолитвенное настроение в доме, – Веруське оставалось одно: последовать за ним куда угодно, однако, не дальше постели.

Капля из наклонённой пробирки срывается не сразу, повисит, помедлит – поверхностное натяжение. Так и человека среда удерживает, затягивает. Но мы обязательно срываемся, падаем, расшибаемся. Карма, брама, чакры, открытые и пока закрытые, знания эзотерические у неё на удивление легко укладывались, как должное, – тем не менее, Альбина, рационалистка, популярные рассуждения про атлантов, практикуемые у Варламовых, считает легендой. Мужики тому забалтывают, все уж больно жуиристые, ушлые, бородавчатые. Верят? Да ни шиша они ни во что, кроме *бабок*, не верят, также и бабы с напряженными от возбуждения ноздрами, в запустелых извилинах – парфюм, да тряпки, да золото («подарил колье, вы говорите, ах, какой щедрый... не колье, а кулон... вы говорите, подарил кулон... вы говорите... ах, какой щедрый!.. Пусть бы и мне подарил, я тоже на всё согласна...»), да мужики, способные раздобыть и подарить всё это, – тётки заучившиеся, сбитые с панталыку, и все до единой – разводки, и свято верят в атлантов, ровно, как верит Кланюшка моя – в картежный расклад.

Но во всём этом путаном, нездоровом и полустраст-

ном мире все-таки привлекает элемент исканий. Всё время ждешь: вдруг явится очередной знаток, но на тот случай главный, и подтвердит реальность нахождения среди людского сообщества существ *оттуда*, условных атлантов.

...неважно, какого происхождения, вознеслись ли они (*атланты*) из глубинных городов, затопленных волнами катаклизма, спустились ли со спутников звезды Цереры, рождены ли абсолютно земной женщиной, но гены, гены... гены-то от цепкого глаза поисковика никуда не спрячешь.

И что-то ведь есть и во мне, и в несущемся по волнам полулегального почитания Варламове, что выделяет нас из всего остального, – не созданного, дабы нести и прочитывать в себе кармическую информацию, – мира.

Разумеется, путать домашние бдения со служебным заданием не следует. Обязана отчитаться перед умницей Головиным в полном объеме, и все, к кому она обращается, относятся к ее вопросам с полным вниманием. Документы тут же и отксериваются, походная папка уже толстеет, Головинов будет доволен. А друзья в ИРПА ждут её, рады новому, приятному человеку, и Альбина с наслаждением предаётся добыванию концентрированной информации, что скапливается в недрах прославленного отраслевого НИИ (и, не без сплетен, с перебиванием косточек начальству и *девочкам* из соседних кабинетов), где она одновременно и въед-

лива, и скромна, в полном соответствии с занимаемым положением и реноме активной периферийной службистки.

Нынче не нужно раздваиваться, напряжение в целом опало: визитёров с уходом *профессора*, как ветром сдуло. У Кляни мир чистый, мир Божий, потому что в биологическом и смысловом центре его – младенец, невинное дитя, и многое, с ним связанное: пелёнки, не умолкающая стиральная машинка, и разноцветные погремушки, нанизанные на резинку и без оной, и капельки с пипетками, и подгорелая кашка, и вечно сбегаящее молочко, и соски, обеззараживаемые кипятком.

Альбина, от всего своего свободная, вечерами стоит себе с утюгом у гладильной доски, и только и знай, что принимает от Веры влажные, мятые фланельки, и превращает их в свежие, сухие квадраты. Она высыпается, а дни напролёт работает в ИРПА. И консультирует по гороскопам, конечно, тоже, и ей здесь легко и весело...

... Если двадцатиметровые *лемуры*, и на фоне их малютки *атланты* (или как их там кличут?) ростом всего в три метра (последнее, кстати, вполне представимо – играет же в чьей-то команде баскетболистка в два метра семьдесят) жили, то гигантские глаза их смотрят далеко и, возможно, видят грядущее.

Но тут она спотыкается, словно автомобиль, что не сбавил скорость при наезде на лежащего полицейского... и тут

– оглушительный риск. А вдруг эти существа не до нас по земле ходили, а придут нам на смену? И сущностно – мегалопаты, то есть при физическом великанстве душонкой обладают вороватой и мелкой?.. динозавр вот огромен, как гора, а головёнка – с булыжник на мостовой...

И – подлые, как Малыгин? Притворяется чуть ли не отцом родным, а сам – воришка, щипач базарный. Двуличность, предательство, как все людские феномены, вечное свойство, но подлежит росту, изощряется с годами, с поколениями, проходящими по земле в истории.

Да нас, недомерков они, по небрежности, просто растопчут. Без применения огнестрельного оружия. Не говоря уже об атомном...

Кланиного зятя она раскусила с прошлого отпуска. Ходили купаться на городской пляж. С ней были Клава и Вера, и двое мужчин – Малыгин и случайно подвернувшийся Старый Друг дома, понятное дело и с кармой, и с брамой, и с чакрой, естественно, – свойствами, ловко продекларированными в унисон мсье Малыгину.

Предвидя скорое расставание, этот жук внаглую сразу и объяснил ей, чего бы хотел.

– У вас на меня не хватит элементарной энергии. Посмотрите на себя в зеркало. Вы же настоящий арбуз – пузо округлое, еще растёт, а кончик вянет.

– А вы откуда знаете? Попробовали бы сначала – возмож-

но, арбуз внутри сладким покажется.

– Вы разговариваете с ясновидящей. Давайте, доказывайте! Ступайте за мной!

Она подбежала к вышке, поднялась, и, собравшись в узел, не раздумывая на высоте, ухнула в воду.

Старый Друг и не подумал подняться. Отпустил еще какие-то двусмысленные шуточки, и только тогда, оставив за собой последнее слово, потрясывая пузом, горделиво удалился с лежбища.

Пляжное радио играло на полную катушку. Повторяло и снова запускало песню, которая и так была у всех на устах.

Вечный покой сердце вряд ли обрадует.

Вечный покой для седых пирамид.

А для звезды, что сорвалась и падает

Есть только миг, ослепительный миг!

Призрачно всё в этом мире бушующем,

Есть только миг, за него и держись.

Есть только миг между прошлым и будущим.

Именно он называется – жизнь...

Трогательная песня из фильма «Земля Санникова» в середине семидесятых годов действительно полюбилась, если не всем, то многим. Простые, прочувствованные слова подтверждали всеобщее зыбкое настроение тревожащей безбу-

душности.

Гимн нашей, исподтишка фрондирующей интеллигенции, мечтающей (в так называемых *кухонных* разговорах) дожить до свежих, омолодившихся времен. Вот, дескать, перемрут дряхлеющие правители, что стоят у власти на непослушных ногах и склеротическими пальцами изо всех сил держатся за ее подол, не отпускают. Шамкающие, без импортных, индивидуально разыскиваемых и доставляемых спецавиарейсами лекарств не живущие, изжившие себя... и скоро так или иначе начнут уходить туда, где последний приют приготовлен любому человеку... и держава ни в каком разе не рухнет, а мы наоборот воспрянем, и опасные лемуры с атлантами будут нам наконец нипочем...

Малыгин таскал за собой кланину подержанную сумку, и было ясно, что уже присвоил ее себе. Бедная была сумка, хозяйственная, в клеточку, но поместительная, можно с базара ведро картошки унести, и еще пучок морковки поместится. Из сумки торчал уголок книги. Альбина узнала: из кланиных, ненужных ей запасов. Подарила, читает в дороге? Ни то, ни другое на сестру не похоже. По торопливому жесту (с оглядкой на нее), по тому, как Малыгин запихивал высунувшуюся случайно книгу обратно, она догадалась: утащил себе на потребу. Недавно переведенная книга в магазины не поступила, разошлась по рукам, и подарена мне в ИРПА: Лилли «Человек и дельфин», из тех, что распространяются сре-

ди избранных, становятся затем достоянием частных книго-торговцев, на черном рынке получающих за дефицит неплохие деньги.

Альбина быстро прокатилась к нему по тряпке, на которой лежала, рывком запустила руку в сумку, Малыгин не успел щелкнуть застёжкой. Так и есть, чуть надорванный уголок обложки и загнутая титульная страница. То самое.

– Где взяли книгу?

– Купил.

– Врёте! Стащили у тещеньки. Вы у них половину библиотеки перетаскали на книжные развалы. Барышничаете? Но всё, Малыгин, именно эта книга отберёт у вас здоровье.

– Почему это – здоровье? Сказала бы, что не дефицит, значит, дадут не дорого, а то – здоровье. Я в колдовство не верю. Сам колдун. Здоровья и так нету.

– Потому что гад.

– А вы гадюка. Друг друга стоим.

– Ну, квиты. А книжку я забираю. Вместе с сумкой. Имущество сестры – моя собственность.

Тут она ловко перетаскала сумку к себе, и ахнула – вот, обобрал окончательно. Там, среди современных дефицитов находились действительно раритеты – теософические сочинения мадам Блаватской, оба экземпляра, ксерокопированный, добротнo переплетенный в ИРПА (временнo оставила в Москве, по просьбе Варламова), и подлинник, дореволюционнoе, по старoй орфографии напечатаннoе издание.

Малыгин прикарманил и это, гаденыш. Слава богу, не успел еще загнать на развале.

– Твоя карма, Малыгин, – из тех, что засоряют пространство. Ты в прошлой жизни ползал мокрицей, а в будущем перевоплощении превратишься в жука-навозника.

– А вы кобра. Мужчина, который осмелится до вас дотронуться, не то, что поцеловать, падёт мертвым.

– Кобра, гадюка – у тебя воображение на уровне конторского серпентария. Понятно, откуда в современных гадючниках заводятся склоки: не от баб, нет. А благодаря таким обабившимся мужчинам, как ты, Малыгин. Так что сумки ты больше не увидишь. А библиотеку я от Варламовых забираю, и увожу к себе в Сибирь. Поэтому находи для своих спекуляций другой заработок. И скажи спасибо, что я тебя не показала милиции.

– Милиция такой ерундой не занимается. Не надо меня шантажировать, тетя Аля!

– Издеваться-то погоди. Я видела тебя среди фарцовщиков у Метрополя.

– Ну, и что? Да, если хотите знать, в Москве половина жителей фарцует, другая половина у них покупает.

– Короче. Я тебя не показываю нигде. Из-за того, что жалю племянницу.

– Книги не отдадите? А то взял бы вас в долю...

– Я бы тебе сказала словами Мюллера-Броневого из кинокартины: «Не зарывайтесь, Штирлиц!»

Клавдия купалась, Вера в отдалении катала в коляске крохотного Санечку. Когда пошли домой, Клавдия спросила:

– Ты почему сумку тащишь, Аля? Тяжелая ведь. Туда Малыгин, наверное, кирпичи накладывает. Он бы и нёс?

– Тренируюсь я, Кланыя. В секцию, как вернусь, пойду. Рекорд по штанге среди женщин поставлю.

Малыгин промолчал.

И мигом смотался, растворился в густой и тесной московской толпе.

Книги она отчасти взяла с собой в самолет, отчасти же припрятала на антресолях. Велела сказать Малыгину, что изъела всё до единого листика. Когда будут переезжать, остаётся риск, что он захватит.

А Верка, еще тот курёнок, сдуру защищает:

– Уймите ваш язык, тетя Аля. Злющий, что крапива. Если Малыгин позовёт, я опять за ним брошусь.

– И снова сбежишь.

– Так т`о – потом. Уезжала бы ты скорее, сами бы разбились, а ты только бредишь.

Жизнь как маятник: то «приезжай, без тебя пропадем», а то «убирайся скорее, ибо мешаешь нашим разборкам».

В самолёте её зажали с двух сторон. Слева нестарая большегабаритная женщина уложила ручищу на весь подлокот-

ник. Справа грузноватый, крепко сбитый молодчик занял другой. Худенькие локотки Альбины остались на коленках.

Сосед попался подвижный – все время рылся в портфеле, откуда доставал и разворачивал папки с бумагами, с газетами, сложенными над заголовками нужных статей, пробовал читать, чиркал карандашиком, мычал, тихонько что-то бурчал себе под нос. Всё суетливо, и, по всей видимости, не слишком толково.

Вышла из кабины стюардесса. Привычно оповестила:

– Сейчас товарищам пассажирам будет предложен небольшой ужин.

И потащила тележку с едой. Только из Москвы, а вид усталый, веки в синьке. Тоже, поди, с хлыщарой мучается. Когда мы залётываемся, мужчины нас покидают, уходят – кто к сопернице, кто к бутылке, а кое-какие и без пересадки прямоком на тот свет. Впрочем, самолёт рейсовый, прилетел, заправился, команда передохнула в портовой гостинице, и работает на обратное направление.

Сосед-хлопотуша заёрзал, превкушая жратву, гурман, должно быть, забороздил округлым локтем перед Альбиной. Умудрился на ее столике опрокинуть чашку с фруктовой водой, зажульканным платком вознамерился убрать лужицу.

– Оставьте, я сама! – рыкнула она.

Посмотрела по-своему – чуточку снизу, чуточку сбоку, но все равно, с оттенком брезгливости, с надеждой, что сосед

поужмётся (та, что слева, как-то смогла высвободить подлокотник, этому – молодчику – одного места в самолете мало, нужно два).

Сосредоточилась, дабы повлиять на него, в сторону успокоения. Пустой номер. Реципиент попался никудышный, плохо поддающийся внушенью, такие вещи надо уметь чувствовать с одного раза, априорно, ещё до опыта.

Она умела.

Мнимая надменность Вепревой иногда отпугивает.

На заводе кое-кто её остерегается. Зовут за глаза Сувенировой. Как-то на совещании у Мережникова говорили о выходе изделия на экспорт. Директор воодушевлял, но она чувствовала: *по срокам* в голосе у него уверенности не было, что успеем.

Начальник десятого цеха Карташов (по положению и авторитету один из основных деятелей на предприятии) сказал:

– Надо как следует диспетчерить по комплектующим.

Один остроумец, склонный к подхалимажу, возгласил, обращаясь к директору:

– Успеем, Андрей Николаевич! К гадалке не ходи!

И тут, не сговариваясь, все враз обернулись в её сторону. После разговора директор попросил Вепреву остаться.

– Альбина Севериновна, о вас по ЧРЗ идут слухи, – вы, правда, гадаете по руке и на картах?

– Не в служебное время, для забавы и развлечения. Могу и то, и другое.

– А можете просчитать, сколько еще времени понадобится заводу для освоения экспортного изделия, и добьемся ли мы успеха?

– Что вам это даст? Вы же не верите ни во что?

– А вы верите – на полном серьёзе?

– Я верю. Но для того, чтобы ответить на ваш вопрос астрологически, надо знать точку отсчета. Когда началось движение в Тайгете ноль-ноль пятой. День, и желательно час. От документов, от первой операции – от чего плясать?

– Свяжитесь с Барановским. Наш летописец. И посчитайте, сколько заводу жизни осталось?

(Потом она вспоминала, то ли особенная административная прозорливость присуща была директору, то ли предчувствия его томили, ну, кто в те отдалёеые советские времена сомневался в долговечности своего труда? Во всяком случае, от Мережникова, прущего, как танк на преграду, такого она не ждала, а вот сказал же)...

– На вечность не рассчитываете?

– Нет. Не рассчитываю..

– А почему?

– Люди смертны. И дела их...

Она не нашлась, что ответить. И хорошо сделала.

Включил магнитолау. У него там стояла всё та же известная запись: – *Вечный покой для седых пирамид...*

– Посидите с Сергеем Савватеевичем, Возьмите девушку из газеты, определите к Регине Марковне, у неё там, кажется, свободная ставка. Эта журналистка готовит книгу к юбилею завода. Попутно вам поможет в расчётах. Подключите её. Идёт?

– Идёт, Андрей Николаевич. Только ставку уже занимает Полувеев. Для своего протеже.

– Кто это?

– Его племянник.

– Тогда действуйте без сотрудников. Или с кем находите нужным. Как будете готовы, приходите.

Альбина сделала, как просили. Но у него для серьёзного разговора как-то времени не находилось, ибо Мережников загружался до предела, гадание же, как ни крути, баловство, встречу отодвигал, Альбина, естественно, лезть на глаза стеснялась. А потом затёрлось, забылось, заводом перекрутилось, как фарш в мясорубке, сошло в долгий ящик, да там и осталось.

... Сосед – нахалюга. Слева женщина, хотя и толстая, занимает только то пространство, что принадлежит по законному билету, нашла такое положение руки, которое не претендует на весь подлокотник, согласно билету. Этот не замечает, что стеснил рядом сидящую. Возможно, просто элементарный растяпа.

Пиджак расстёгнут, пуговица болтается, вот-вот отпадёт.

Она отвернулась, и, чтобы не прикасаться к его не новому, в гармошку, рукаву, выдвинула локоть.

Досуха вытерла столик салфеткой. Своей не хватило, без спроса взяла у него и также использовала.

Сосед заворочался, стал разоблачаться, уложил на полку полупальто на клетчатой подкладке, с капюшоном. Похоже, что дорогое, не нашего производства – чешское или гэдэ-эровское.*

*ГДР – Германская Демократическая Республика.

Налопался, полез через неё – в туалет. Вернулся, дыша табачищем. Неприятно. Она дала себе слово прекратить курение – после сцены с Малыгиным. А в полете, благо, формальное – *ноу смокинг*. Курильщики сие предписание обходят, но, оставаясь законопослушным пассажиром, будешь соблюдать.

Он сбил её с толку. Ругалась про себя, как бывало детскими словами: *жиртрест*, *мясокомбинат*.

– Взорвёте самолет, курильщик! «Звёздочку» с`адите, по-ди, гв`оздики?

– «Пел мел», импорт. Могу угостить.

– Зачем? Своими обойдусь. Вообще-то я бросила.

Удивительное дело: ногти у него коротко стрижены, без каймы, и руки, в противовес одежде, чистые, ухоженные. Не

работяга от станка, тоже и не инженеришка, это же очевидно.

– Вы не москвичка.

– Вы тоже не в столице живёте.

Отвернулась, не желая втягиваться в трёп.

– Положим, я-то перебираюсь. Приглашают внедрять изобретение. В провинции нет людей с размахом и пониманием технического прогресса.

– Ого, заявочки.

– Констатация факта.

– А в столице что, есть такие, кто с понятием?

– Если б не совался, так же бы думал уничижительно о себе, как вы ... А то весь избит. Кричат об НТР*, а как её пощупать? Предел мечтаний –

* НТР – научно-техническая революция.

канализация на директорской даче, за казённый счёт. У меня тридцать два авторских свидетельства, на мои изобретения приобретаются заграничные лицензии. А что я с того имею? Думаете, лабораторию? Опытное производство? Шиш с маслом!... Пыль на полках...

– Если...

– И я разве один такой неудачник? Вы куда летите?

– В экзотическую страну.

– В т`айги?

– В джонглы.

– Блаватская, в прежней транскрипции. Увлекаетесь эзотеризмом? – Он поскущел. – Карма и брама, Агни и Шива. Рерихи с Гималаями. Штуки известные. Суеверие нынешних технократов. Когда голова перестаёт продуцировать собственные идеи, люди охотно влезают во всякие Шамбалы...

– Как – суеверие? Ошибаетесь.

– Вы инженер и живёте без мужа.

– А вы начитаны и любите дерзить женщинам. Потому и размениваете жильё до седых волос. Уходя от жёна, оставляете им квартиры. Потому что рассчитываете на получение нового жилья.

– Откуда знаете про размен? Мы были знакомы? Может быть, в прежней жизни?

– Не язвите. Нет. Но на проницательность монополия не выдаётся.

– И вы себе не хозяйка. У вас, инженеришек, это сплошь и рядом.

– С чего-то взяли, будто я инженер.

– Женщины сейчас занимают места, согласно отобранным у мужчин билетам – в педагогике и медицине, отчасти в юриспруденции. Те, кто едет по своим билетам, оседают в технике.

– Своеобразный, но комплимент.

Она наконец разглядела его лицо. Ни намека на второй подбородок, глаза зеленоватожёлтые, углубленные, *тамошние*. Губы жёсткие, подрубленные, рот маленький, над вы-

пирающей челюстью. Уши прижатые, с крепкими, твёрдыми мочками. Истинный волкодав. Такой раз даванёт и не отпустит, пока не повалит противника... Боец...

Все бы *жиртресты* такими были...

Но нечего заглядываться, лицо как лицо, мужик вполне себе мужик, сбегает с завода, поманили высоким окладом, посулились дать лабораторию, все может быть, вон у Варламова ведь выгорело. Самолёт прямой, значит, пока что трудится где-то у нас. Вот скоротал время с первым попавшимся (попалась я), так заведено в сотнях лабораторий по всей стране.

Да и ладно, да и Бог с ним.

Или сделает пересадку у нас в аэропорту и полетит дальше? Теряться в догадках я не привыкла. Установила, что летит к нам, и достаточно. В конце концов, ну, мне-то какая разница?

Особо притворяться усталой не нужно, ночь на дворе. Листаются часовые пояса, и тёмное время остаётся за бортом. В Москве при моём отлёте было девять вечера, у нас час ночи, летим четыре часа, значит, и будем у себя, когда рассветёт. Надо вздремнуть.

...смежила веки, также и сосед, оставив наконец в покое свой портфель, отвалился на спинку кресла, успокоился и затих. Выговорились.

Прибытие рейса объявлено ранним утром, приём багажа,

автобус круглосуточный, такси не оплатится бухгалтерией, и шут с ним, шикану, как умею. Головчинов никогда не начинает рабочий день позднее семи часов утра. Поэтому нет никакого смысла заезжать домой, с аэродрома – прямо на работу.

В столице я ведь не только занималась семейными вопросами и, в качестве развлечения, консультировала *девчонок из ИРПА*, но решила и деловую, командировочную часть визита. Лёгкое возбуждение предстоящим производственным разговором, как предвкушение, нарастало. С удовольствием воображала близкую уже, прикидочную говорильню в СКБ*.

*СКБ – специальное конструкторское бюро.

Атланты (условные), расхаживающие среди нас, не подзревая, кто они есть для населения земли (завораживающая байка для девочек-перестарков), временно растаяли в пространстве и времени.

В экзотической местности, где главный фактор именуется ЧРЗ.

Мы вам, дорогие товарищи из ИРПА, врежем, как подобает. Скажем, что думаем о вас и ваших советах. Собственно, крамола, но – зачем вы вообще существуете? Раздуть расходы, и набить себе две цены за рекомендации, – здесь вы мастики, а дошуропить до новых конструктивных элементов –

надо ж поломать голову. Отвыкли-с!

Разочарование побуждало интенсивно продумывать некоторые тонкости по Тайгете, уже не два ноля пятой, а следующей.

Начисто забыв про амбициозного соседа, она широко распахнула косметичку, где в отдельных секциях распределены тушь, пинцетик, зеркальце, медицинская иголка с канюлей, чтоб не выскальзывала при пользовании.

Стала работать над бровями и ресничками.

Дома не до того, как известно из опыта прежних перелётов.

Головчинов сразу, нетерпеливо, с места в карьер гонит на развитие появившихся у него мыслей. А их – пр`опать сколько всегда набегает и накапливается.

Человек, что примостился рядом, после того, как ужася, занял вполне допустимые пределы, не докучает соседством. Зачем-то пытается разузнать мои занятия и адрес. Видно, ещё представляю интерес, не всё потеряно, одно из трёх, – или в принципе не прочь продолжать дорожные знакомства, или я зачем-то сгодилась бы по делам, или наконец ещё из себя что-то представляю, или, уже сверх нормы, – я о себе, Бог знает, что воображаю.

А он молчал, мирно посапывал.

Вдруг встрепенулся, глянул на часы, полез в свой необъ-

ятный портфель. Порывшись, подал мне буклет с описанием академического института. Профиль наш: электроника, радиометрия. Он, положительно, меня знает!

– Берите. Насовсем.

– Вы – из рекламбюро?

– Вроде того. Насовсем берите.

– Я из узурпаторского класса, по-вашему?

– Учитель? Нет. Продавец в книжном магазине? Тоже нет.

– Для вас моя профессия представляет интерес. Почему?

– Видел вас где-то состоящей при технике. Где – забыл.

На выставке? На совещании, на конференции? Где?

– А, если я окажусь патологоанатомом и скажу, что вам ещё рано ко мне в гости? Сочтёте за комплимент вашему здоровью?

– Нет, сочту за блёстки черного юмора. Которые не разу-
чился ценить.

Полистала альбомчик. Типичная академическая халтура. Наша Регина выпускает подобную дребедень куда искусней. Каждый хочет реализовать свой товар наилучшим образом, на то реклама. При выборе наименования для изделий я настаивала на светильах, из которых составлены созвездия.

Были другие варианты...

Уран – вообще говоря, у эллинов – небо. С неба летят молнии. Огонь неба – наш огонь, оттого и Уран для нас – покровитель электричества.

А, значит, радио – здесь же, под его, урановой, дланью.

И слово *уран* – сузилось и собралось в себе и мощь, и силы небесные. Для этого астроному Гершелю понадобилось собственноручно изготовить рефлектор лучших, чем прежние, оптических свойств. Не так давно, между прочим, по меркам истории: в 1781 году. Потом начались точные математические расчеты движения Урана, и Урбен Леверье предположил и подтвердил, что следующей, дотоле неизвестной планетой является Нептун.

Уран, Урбен...

Нет, я своим, заводским сказала, ребята, название аппаратуры должно не раздражать потребителя. Звёзды не раздражают, а планеты Солнечной системы, так же имена собственные, понятия опосредованные, любая топонимика – настолько всё близкое, с детства внедрённое, что потребитель поморщится, и отойдёт в сторону. К нашему конкуренту.

Да, да, и не будем привязывать к родному городу, подражая тем же прибалтам. Живут в Риге, и за названиями далеко не ходят: магнитола «Рига», приёмник «Ригонда». А наше «Чеминда» вряд ли чьё-то нейтральное ухо выдержит.

Чистов, друг, каких мало, спросил:

– Откуда такая эрудиция?

– А я – филолог по призванию, правда до диплома недоучилась, ушла к вам, инженерам, но игра словесная – в жизни не последняя радость... А с вами, мои дорогие, – я есть технарь с технарями.

– А в споре богов и титанов на чьей стороне?
– Боги безжалостны и капризны, титаны могучи и дерзки.
– Правда – у титанов?
– Ты, Влад, со мной не согласен?
– Я, Алис, видимо, недостаточно подкован, чтобы вести столь сложную дискуссию...

Выбрали компромиссное решение. *Плеяда* показалась слишком привязанной к газетному штампу: плеяда орденоносцев, к примеру... тем более, – государственных деятелей... пушкинская плеяда поэтов... В зубах навязло. А вот одна из Плеяд *Тайгета* пришлась ко двору, потому что мы живём среди тайги, хотя и почти уничтоженной, сведённой на нет... Задумаются: почему не *тайга*, какое-то потаённое значение просматривается. Жена мужу скажет:

–Давай, возьмём.

И купят.

Смыкалось – конструкторское и рекламное. Карташов отметил: теперь у нас завод звёздный. ***От Альбины до Регины.*** И не возражал, чтобы его Светлана поступила в отдел рекламы.

Плеяды – дочери Атланта и прекрасной океаниды, нимфы Плейоны, сёстры, богом из богов Кронидом (Время!) превращенные в семизвездие. Ранее всемогущие боги в наказание за борьбу с ними превратили побеждённого титана Атланта в каменное изваяние и заставили поднятыми рука-

ми держать небосвод. А весёлые девушки так любили отца, что, загоревав, после мучительных треволнений, лишили себя жизни, и тогда боги, снисходя к такому самопожертвованию, взяли их на небо, поближе к родителю. И с тех пор звёздочки Плеяды неустанно зовут нас к себе.

Так я объясняла древнюю легенду моим современникам.

Трогательно же, плакать хочется...

Атланта я бы навязала им тоже, но это первый шейный позвонок, двусмысленность имени, чересчур очевидная для радиоаппаратуры.

Потребитель хочет романтики, с легким ностальгическим оттенком.

Сосед – такой увалень – полноватый, похож на штангиста, оставившего спорт. Прагматик отпетый, электронщик, нужны ему мои атланты, как рыбе зонтик.

Втягивающие, тёмные, с желтоватым отливом глаза, крепкие, гармоничные ушные раковины, интересно бы глянуть на линии его ладони, наверное, не соврут.

Я вырвала из записной книжки листок в клеточку, записала мои ф.и.о, рабочий телефон, подвинула к нему по столу. Сосед, в свою очередь, из бумажника извлёк визитку.

Я глянула со всем вниманием, вскинула голову. Он кивнул: да, я, *ich bin**,

* Я есть, это я (нем.)

мол, можете не сомневаться.

На карточке было написано:

Харитид

Артур Ксенофонович

член-корр. АН СССР,

зам. директора Института, д.т.н.

(и телефоны, домашний и два служебных)

Во как, не фунт изюма.

– Вам надо подождать меня в порту, пока выдадут багаж, – непрерываемым тоном. – За мной приедет мой шофёр, и я доставлю вас по назначению.

– Спасибо, я привыкла добираться сама. Прощайте.

– Да, да, всего лучшего, – рассеянно проговорил он. – Ну, как хотите...

И отвернувшись, словно и не было соседства, разговора и обмена установочными данными.

Равнодушие незнакомого к незнакомому. Да.

Если предназначено, то возможность новой встречи появится. Сама собой, без наших усилий.

В проходе между креслами образовалась толпа. Все устремились к выходу, но двигались без особой спешки, спокойно. Соседка слева поднялась, и я поспешила встать в оче-

редь, имея между собой и им, замешкавшимся, нескольких очередников – чтобы не выходить с ним вместе. А попасть на первую платформу.

Крахмальные стюардессы регулировали движение.

И я бросилась – бегом, бегом из аэропорта!

Решила: багаж (чемодан с книгами, тяжёлый, но я спортсменка, тяжестей не боюсь) заберу раньше его, чтоб Харитид не окликнул меня у транспортёра, с этой целью вскочу на первую платформу, везущую от самолета к дверям здания аэропорта. Он, увалень, помешкает и поедет от самолета на второй повозке. Раз отказалась от места в его автомобиле, то разорюсь таки на такси.

По-моему и вышло.

Мы дома.

Приехали.

Приплыли.

Адье, Харитид Артур Ксенофонович, член-корр. Академии наук СССР.

До новых встреч.

Глава третья. Личная жизнь заводского мастера

Ахтубины расходятся

Решением руководства завода для освоения новейшего электрофона высшего класса Тайгета-005 определялся

срок в три месяца. Выделено изолированное, просторное помещение, максимально скоро сооружена соответствующая оснастка. Руководить выполнением задания поставлен авторитетный, квалифицированный мастер Фёдор Ахтубин.

Учитывая экспериментальный характер производства, задание по первым изделиям в план цеха включалось условно. Однако уже на втором месяце, когда Ахтубину удалось заполнить реальными лицами все строчки в штатном расписании, участок получил чёткие, в меру напряжённые нормы выработки по штукам и качеству продукции.

Мастер Ахтубин, исходя из заводского опыта и положения с кадрами и поставками, спланировал и рассчитал предстоящий труд. И начали работу, но тут вмешалось непредвиденное обстоятельство. К заданию добавили сорок незапланированных штук, с требованием особого прилежания при их изготовлении и с предупреждением о том, что штуки предназначены не для реализации через торговлю, а пойдут *по спецназначению*.

Объем задания невелик, но *спецназначение* настораживало, и не склонного к левачеству Ахтубина просто выбивало из колеи.

– Возьми себя в руки, – жёстко посоветовал начальник цеха Карташов, – и делай. Переигрывать все равно никто не позволит.

Выполнение плана с неба не падает. Ахтубину требовалось находиться на участке практически безотлучно в течение

ние обеих смен.

Для улаживания личных дел в этих условиях, как на военной службе, оставались только воскресенья, и то, в том случае, если опять же не заняты заводом. Ахтубин, отслужив действительную на флоте, поступил в мореходку, но, к сожалению, после первой практики был отчислен по нездоровью (дал подписку о неразглашении причины). Ему и воскресенья не сулили перерыва – в плаваньи какие воскресенья?

Он носил тельняшку, и на заводе имел прозвище Мичман, что Ахтубину нравилось.

Жена Ахтубина недолго мирилась с фактическим по целым неделям отсутствием супруга.

– Ты для меня не больше, чем сосед. Так и будем жить, как соседи живут.

Он поначалу не соглашался, старался следовать ее капризам, но времени не оставалось, а, приходя домой, валился почти замертво, спать тоже нужно...

– У меня нет мужа, – говорила Галина, и это было серьезно. Она вела какую-то свою жизнь, неинтересную ему, туда он предпочитал вмешиваться пореже. Себе дороже: с замечаниями можно нарваться на истерику или такую каверзу, что закаешься – он и закаялся после нескольких острых столкновений. Её связи в торговле от начала до конца его не занимали, раз он ей муж не муж, ну, так, невестке в отместку, – и жена пусть уходит.

Ахтубин уверился, что она начала первой, и потому, рас-

поряжаясь собой, не испытывал томлений совести.

Свободный брак...

Он видел, что многие на заводе ведут такую же странную жизнь, и ничего, не тяготятся, по крайней мере, внешне.

Свободный брак терпели ради Женечки. Опять же и другие подобные пары держались в тандеме из-за детей.

В последнее время однако у Галины что-то стало меняться. Реже выпивает, хахали с подружками у них дома почти не появляются. Плачет украдкой... Он как-то попробовал расспрашивать, проявил участие, близкий все-таки человек. Но против него же и обернулось: посмеялась зло, изошрённо. По некоторым репликам, сказанным на кухне, когда сидели там за экзотическим кофе, которое нынче только у торгашей и водится, он догадался: растрата.

– Может быть, я могу помочь. Займу у кого-нибудь. Большая сумма-то?

– Зачем тебе? Сиди уж... Твои копеечные деньги не покроют и сотой доли... Ты и так не со мной. Ты бы лучше ковры вытряс во дворе. Месяц не чищены...

И долго, громко, ожесточённо кричала. Насчёт невытрясенных ковров, непочиненного крана в ванной... даже перегоревшую лампочку на кухне в люстру вкрутить не в состоянии уже вторую неделю.

– Ты кто есть в этом доме? Да ты не кто, а что, неодушевленный предмет, как вот этот стул на кухне!.. Я тыщу раз покаялась, что отдала такому ничтожеству лучшие годы!...

Ну, что скажешь, крыть нечем: и то, и другое, и третье — правда, и дом — запущен.

Ушла к телефону. Минут через пятнадцать забрать её приехали на машине. Оделась в лучшее, в коридоре у зеркала подмазала губы и брови, припудрилась. Второпях, стуча каблуками на весь подъезд, сбежала по лестнице, словно минутой раньше ничего и не происходило.

Около машины стоял мордоворот, бугай с бычьей шеей, Ахтубин знал его: замначальника Торга. Фёдор смотрел на него в окно, тот показал на выбегающую из подъезда Галину, потом тем же указательным пальцем ткнул себе в грудь и большой палец поднял кверху.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.